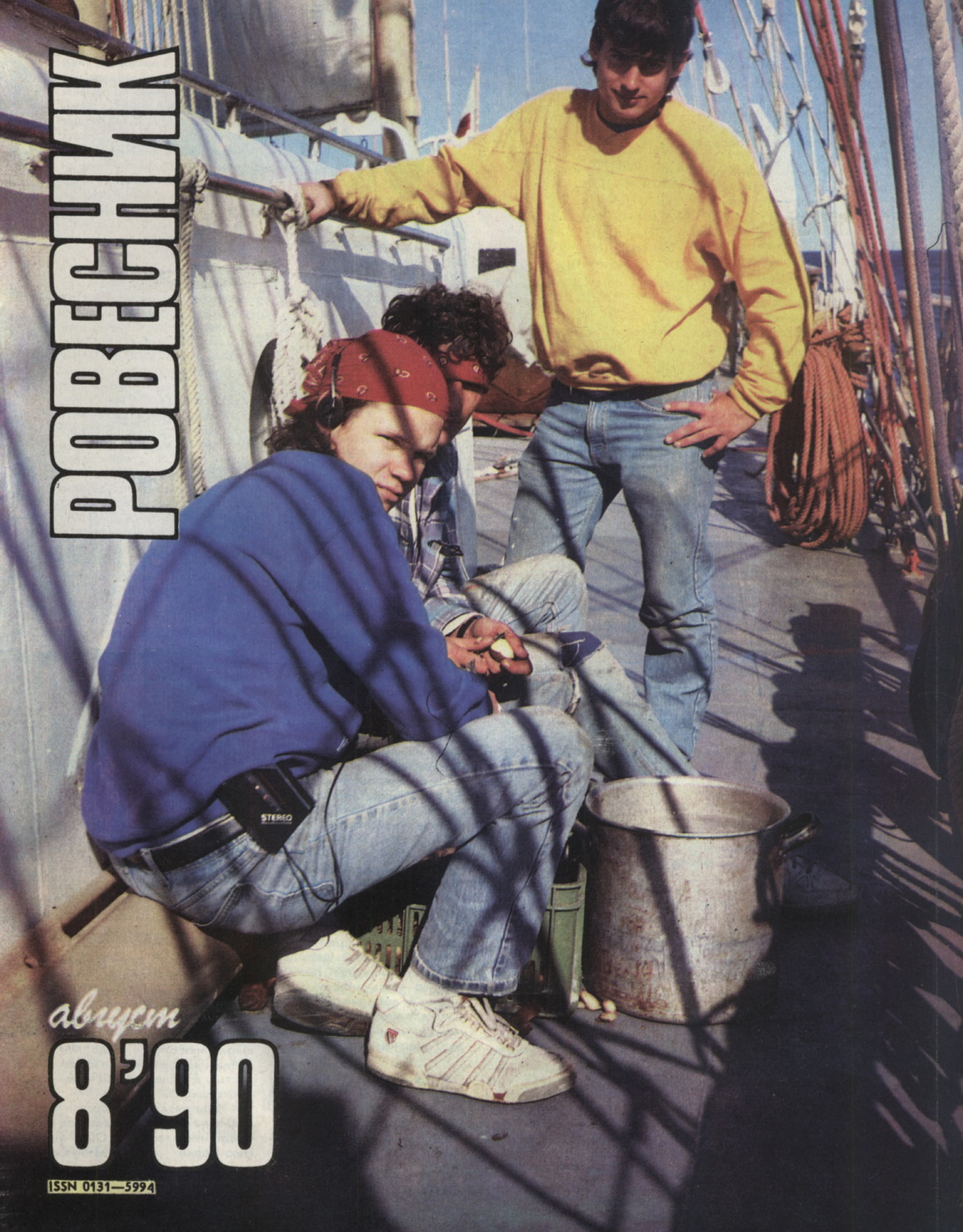
РОВЕСНИК

август

8'90

ISSN 0131—5994

В один день в редакцию «Ровесника» пришли два конверта из США. Их содержимое, надеемся, заинтересует и вас, читатель. В первом конверте мы обнаружили плакат, на обороте которого прочли следующее:

«Издательская компания принца Уэльского объявляет конкурс друзей по переписке!

10 тысяч имен и адресов (5 тысяч из США и 5 тысяч из СССР) победителей конкурса войдут в книгу «Советские и американские друзья». Помимо адресов и имен, в книге будут опубликованы фотографии и рассказы о себе 1200 участников конкурса, признанных главными победителями. 10 чемпионов конкурса удостоятся звания «Всемирные послы дружбы по переписке». Летом 1991 года 10 чемпионов вместе совершат путешествие по СССР и США.

Возраст участников конкурса — от 7 до 17 лет. В выборе 10 тысяч победителей будут учитываться:

1) ясность изложения;
2) оригинальность мысли;
3) воодушевленность.

Условия конкурса:

1. Напишите о себе, расскажите о вашей жизни, вашей семье, ваших интересах. Изложите собственное послание ко всем друзьям мира. Весь текст письма должен состоять из 250 слов, но не больше (можно меньше). Просьба — пишите или печатайте ваш текст аккуратно. Если у вас неразборчивый почерк, пишите печатными буквами.

2. Вверху первой страницы письма аккуратно, печатными буквами напишите ваше полное имя, дату и год рождения, почтовый адрес.

3. Выберите одну или две свои фотографии, на ваш взгляд самые характерные, размером не больше 10×12. Предпочтительнее черно-белые фото, но можно присылать и цветные.

4. Вы должны смириться с тем, что ваши письма и ваши фотографии не будут вам возвращены, они останутся в издательстве.

5. Вы должны быть готовы ответить на каждое письмо, которое придет к вам от друзей мира.

6. Расскажите всем вашим друзьям о конкурсе.

7. Вложите письмо и фотографии в конверт и направьте его по адресу:

SOVIET AND AMERICAN FRIENDS
P.O. BOX 707
Fairfield, Iowa 52556
USA

Поторопитесь! Конкурс заканчивается 19 октября 1990 года.

Пишите по-английски. Если не можете сами, попросите учителя, знакомого, знающего английский язык, перевести ваше письмо. И не забудьте, что для отправки письма за границу требуется его специальное оформление в почтовом отделении».

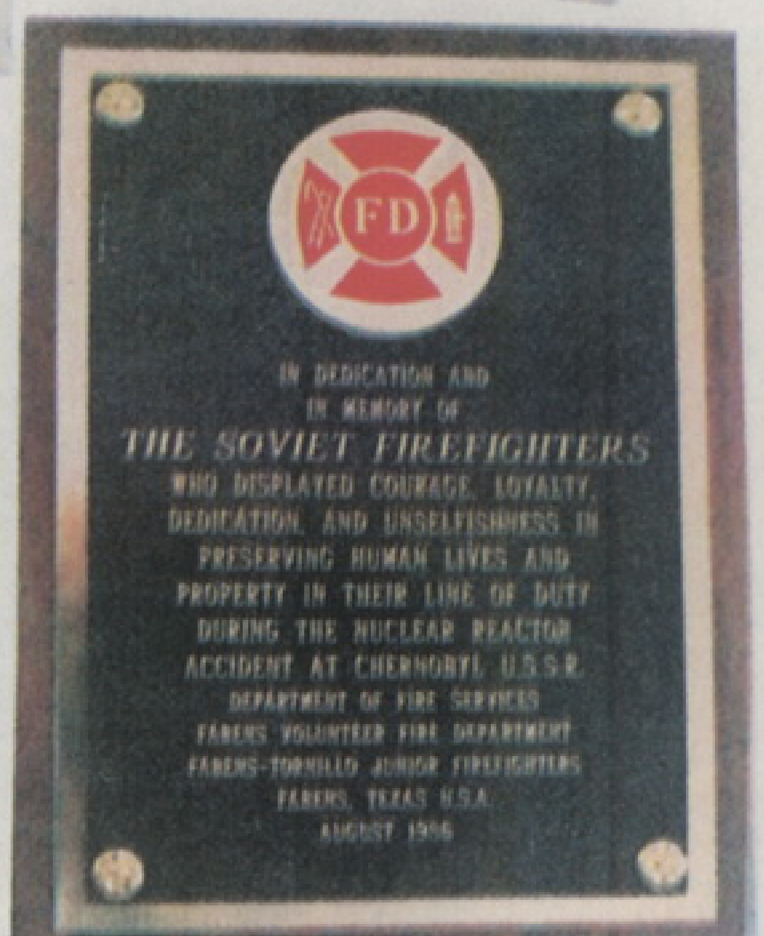
К плакату прилагалось письмо от организаторов конкурса, в котором сообщалось, что сотни тысяч американских школьников в таких городах, как Сан-Франциско, Сиэттл, Лос-Анджелес, и в провинциальных районах уже присылают свои письма. К «Ровеснику» обращались с просьбой как можно скорее опубликовать информацию о конкурсе, что и было сделано.

В письме предлагалось советским учителям взять на себя проведение конкурса в своих школах, помочь детям в написании и оформлении текстов, собрать их вместе и послать единой бандеролью по указанному адресу. Школы, поступившие таким образом, получат в свое распоряжение экземпляр книги друзей по переписке.

Книга выйдет весной 1991 года тиражом 1 миллион экземпляров и будет бесплатно распространена в СССР и США. Проект финансируется исключительно американскими спонсорами. Цель проекта — установить прямую личную связь между советскими и американскими детьми для укрепления доверия между новыми поколениями двух наших народов.

Второе письмо было от юных пожарников Техаса из общества «Файер иксплорерз» («Искатели огня»):

«Дорогой редактор, привет.

Меня зовут Хуан Карлос Терразас. Я — офицер пожарной дружины и исполнительный директор общества юных пожарников в Лоуэр-Вэлли, Техас, куда входят школьники от 8 до 17 лет. Мы следим за пожарной безопасностью в общественных и частных школах.

4 года назад наша организация передала в советское представительство в ООН в Нью-Йорке изготовленную

нами мемориальную доску в дань уважения смелости и утрат советских пожарных, сражавшихся с огнем в Чернобыле, когда там взорвался ядерный реактор. По-видимому, эту мемориальную доску направили в Москву, но мы не знаем, кому именно ее передали. Я прошу об одолжении: не могли бы вы разыскать ее следы и дать нам знать, куда же она исчезла.

К письму я прилагаю фотографию мемориальной доски и список школьников, которые хотели бы переписываться с советскими ребятами. Еще я посылаю вам наклейки: эту эмблему придумали мы сами, она символизирует братство пожарных.

С уважением,

Хуан Карлос Терразас».

Мы позвонили в МИД СССР, в Союз советских обществ дружбы, в Комитет защиты мира, во Всероссийское добровольное пожарное общество, наконец — в советское представительство в ООН в Нью-Йорке. Но о мемориальной доске из США никто ничего не знал. Может быть, вам, читатель, что-нибудь известно? Будем признательны за любую информацию на этот счет.

А пока мы можем выполнить лишь одну просьбу юных пожарников Техаса — опубликовать присланные ими адреса для переписки (пожалуйста, пишите только по-английски):

Ванесса Агирре, 12 лет: VANESSA AGUIRRE, P. O. Box 66, Tornillo, TX 79853.

Перла Силва, 13 лет: PERLA SILVA, P.O. Box 22, Tornillo. TX 79853.

Кармен Руиз, 12 лет: CARMEN RUIZ, P.O. Box 137, Tornillo, TX 79853.

Джуниор Боскез, 13 лет (переписка только с девочкой): JUNIOR BOSQUEZ, P.O. Box 347, Tornillo, TX 79853.

Филлип Карагас, 12 лет: PHILLIP KARAGAS, P.O. Box 17, Tornillo, TX 79853. C/O Lower Valley JR. Firefighters, Annex Office.

Ядира Агирре, 12 лет: YADIRA AGUIRRE, P.O. Box 278, Tornillo, TX 79853.

Сандра Эспарца, 12 лет: SANDRA ESPARZA, P.O. Box 92, Tornillo, TX 79853.

Джуди Моралес, 13 лет: JUDY MORALES, P.O. Box 17, Tornillo, TX 79853. Lower Valley JR. C/O Firefightiers, Annex Office.

Лили Агилар, 13 лет (с девочкой): LILY AGUILAR, P.O. Box 291, Tornillo. TX 79853.

Серджио Ортиц, 13 лет (с девочкой): SERGIO ORTIZ, P.O. Box 816, Fabens, TX 79853.

Артуро Агилар, 14 лет (с мальчиком): ARTURO AGUILAR, P.O. Box 291, Tornillo, TX 79853.

Джулиан Вера, 14 лет: JULIAN VERA, P.O. Box 17, Tornillo, TX 79853. Lower Valley JR. C/O Firefighters, Annex Office.

Армандо Переа, 14 лет: ARMANDO PEREA, P.O. Box 346, Tornillo, TX 79853.

Виктор Матаморос, 13 лет (с девочкой): VICTOR MATAMOROS, P.O. Box 405, Tornillo, TX 79853.

Патриция Ривера, 13 лет: PATRISIA RIVERA, P.O. Box 1347, Fabens, TX 79838.

Соня Санчес, 14 лет: SONIA SANCHES, P.O. Box 212, Tornillo, TX 79853.

Алисиа Ноласко, 14 лет (с мальчиком): ALISIA NOLASCO, P.O. Box 345, Tornillo, TX 79853.

Бренда Санчес, 13 лет (с мальчиком): BRENDA SANCHEZ, P.O. Box 258, Tornillo, TX 79853.

Дора Саринана, 14 лет: DORA SARINANA, P.O. Box 1649, Fabens, TX 79838.

Адриана Суареш, 15 лет: ADRIANA SUAREZ, P.O. Box 274, Tornillo, TX 79853.

Зулема Падилла, 15 лет: ZULEMA PADILLA, P.O. Box 442, Tornillo, TX 79853.

Александра Мена, 13 лет: ALEXANDRA MENA, P.O. Box 142, Tornillo, TX 79853.

Рауль Моралес, 14 лет: RAUL MORALES, P.O. Box 92, Tornillo, TX 79853.

Эрика (Мерседес) Агирре, 14 лет: ERIKA (MERCEDES) AGUIRRE, P.O. Box 66, Tornillo, TX 79853.

Грасия (Чела) Роман, 13 лет: GRACIE (CHELA) ROMAN, P.O. Box 216, Tornillo, TX 79853.

Лин Салдана, 14 лет: LYN SALDANA, P.O. Box 313, Tornillo, TX 79853.

Джизус Родригес, 14 лет: JESUS RODRIGUEZ, P.O. Box 403, Tornillo, TX 79853.

Патриция Васкес, 16 лет: PATRICIA VASQUEZ, P.O. Box 218, Tornillo, TX 79853.

Алисиа Эрнандес, 15 лет: ALICIA HERNANDEZ, P.O. Box 163, Tornillo, TX 79853.

Стелла Васкес, 13 лет: STELLA VASQUEZ, P.O. Box 218, Tornillo, TX 79853.

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: перед вами — «морские волки» из совместного польско-американо-советского экипажа. О том, как попадают в такие экипажи, о том, как живут и работают их члены, читайте в материале «Путешествие на баркентине «Погория».

РОВЕСНИК '90

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№8 август

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. А. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ (ответственный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редактора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская

Оформление художника И. М. Неждановой

Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-62 — отдел писем. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 06.06.90. Подписано в печ. 09.07.90. А02408. Формат $84 \times 108^1/_{16}$. Печать офсетная. Бумага офсетная глазированная с покрытием. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 2 980 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 2122.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА БАРКЕНТИНЕ «ПОГОРИЯ»

Алексей КРУЖКОВ

Фото автора

Все началось с передачи «120 минут». Я еще спал, а мама, собираясь на работу, услыхала о том, что ЦК ВЛКСМ устраивает кругосветное путешествие на польской баркентине «Погория». В это путешествие приглашаются ребята от пятнадцати лет, члены клуба «Юных моряков», знающие английский язык, поскольку экипаж предполагается международный: СССР, Польша, США.

Мама, как обычно в таких ситуациях, решила, что я обязательно должен туда попасть, и начала мне подсовывать нужные и ненужные книги по морскому делу, которые, честно говоря, не очень-то меня интересовали. Да, поначалу я к этой затее отнесся холодно: я был почти уверен, что потерплю фиаско, потому что у меня нет почти никакой морской практики, я даже не знал толком ни одного морского узла.

Тем не менее мы с мамой решили, что все-таки стоит попытать счастья, но я пытался увильнуть, или, вернее, оттянуть подачу документов.

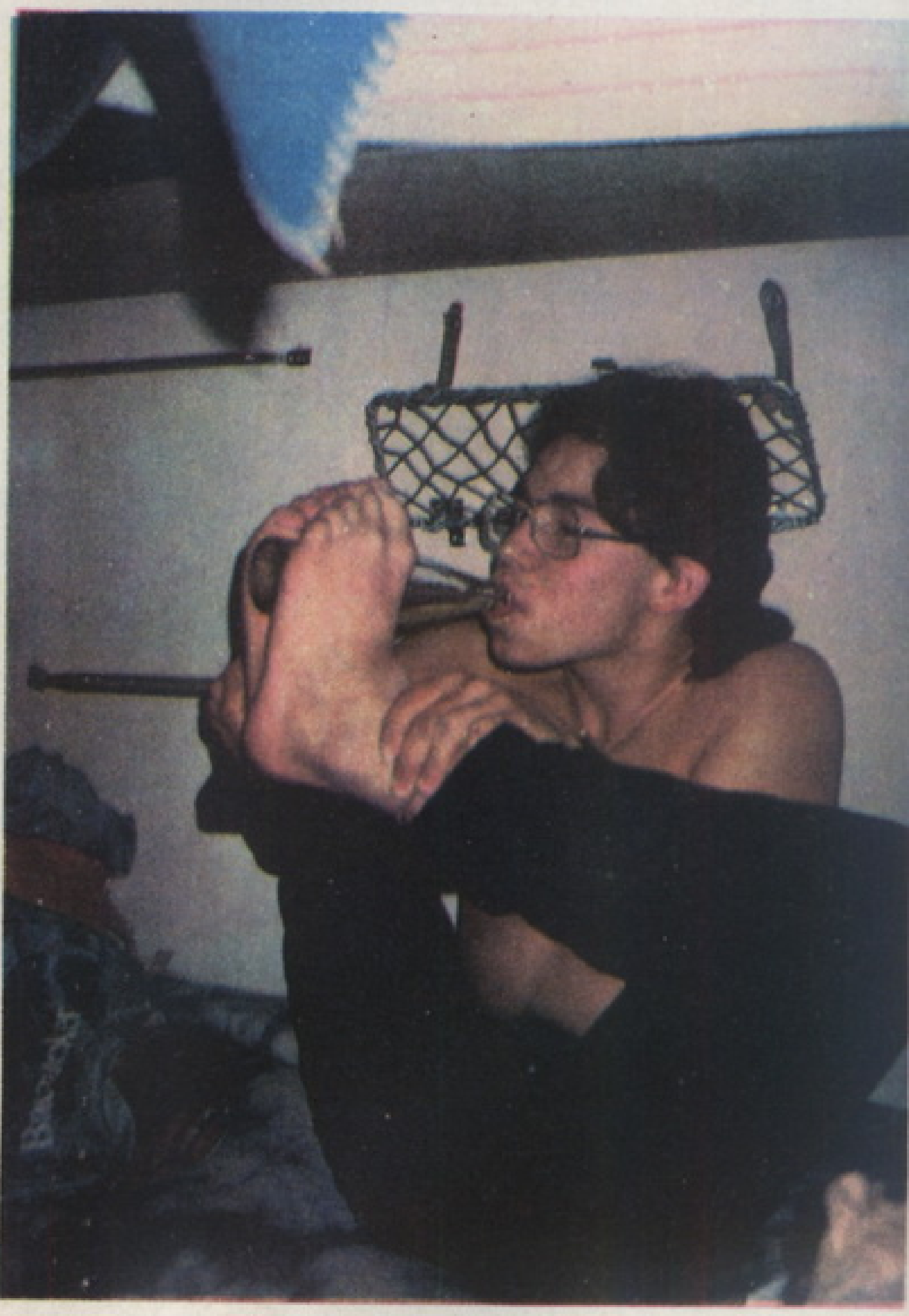
Но, как я ни отлынивал, мама все же заставила меня позвонить и поговорить с организаторами конкурса. Я сообщил, что я не член клуба «Юных моряков», но физически здоров и знаком с английским. Организатор конкурса тут же обрушил на меня кучу английских фраз. К счастью, я быстро сориентировался и, как говорится, вошел в контакт. Я отдал свои документы и... очутился в Новгороде, где и проходил отбор будущих членов экипажа. Там мы поселились на судне «Саша Ковалев», бывшем минном тральщике.

На следующий день было собеседование с рыпающимися. Всего на сборы прибыло около 70 человек.

Так вот о собеседовании. Чего только ни спрашивали: и о советских адмиралах, и из истории флота, и вязание узлов, и устройство шлюпки, и знание языка, и многое другое. Мне повезло: спросили только устройство шлюпки и пару морских терминов на английском языке. Я выглядел довольно жалко и, как оказалось, совсем не понравился мандатной комиссии: комиссия решила, что я вообще не разбираюсь в политике. Хотя о политике меня как раз и не спрашивали!

На второй день держали экзамен по английскому. Тут я оказался на коне, и общество признало меня «англичанином», мне удалось назвать по-английски все мачты баркентины, некоторые паруса, а вот названия швартовых канатов (их шесть) я, как назло, не знал!

На третий день была так называемая морская «Зарница». К тому времени погода на Ильмене подпортилась, солнце скрылось, разыгрался ветер. Это обстоятельство вынудило наших офицеров устроить «Зарницу» в бухте. Нашего «Сашу» поставили параллельно, на расстоянии примерно двадцати метров, шхуне «Славия», между ними был натянут канат. Все соревнование состояло из следующих этапов: 1) на юте завязать шесть морских узлов; 2) перебежать на нос и кинуть выброску на «Славию»; 3) подбежать к канату, надеть спасательный жилет международного образца и перелезть по канату на борт шхуны; 4) обвязаться «беседочным» узлом и перелезть по вантам с правого борта на левый; 5) отвязать страховку, пробежать на нос «Славии», поднять и закрепить стаксель; 6) пробежать на корму, прыгнуть в воду, доплыть до борта «Саши»; 7) пробежать на корму (ют) и подтянуться десять раз. Все это я проделал за 12 минут 07 секунд, а лучший результат был 5.01. Выброску я кидал три раза, на чем, кстати, и задержался.

Морской «Зарницей» и закончился этот конкурс. Позже нам объявили итоги: отобрали десять человек в основной экипаж и пять запасных. Я попал в эту пятерку, поэтому как полно-

правный член экипажа готовил летом документы. Однако никто из основного состава не заболел, и запасные не пригодились.

Первый этап — Польша — Латинская Америка — начался 1 сентября в Гданьске. А меня пригласили на конкурс для второго этапа, он проходил в конце сентября в Таллинне, и, в общем, ничем не отличался от новгородского. Я был уже опытным «морским волком», показал хорошие результаты и оказался в числе десяти счастливцев, попавших на этап Аргентина — Польша. На редкость быстро собрав документы и не успев смахнуть скупую мужскую слезу, я очутился в самом южном городе земного шара Ушуая. И жизнь забурлила.

Первые две недели дело шло туго: американцы производили впечатление богачей, приехавших поразвлечься

(впрочем, поначалу было не до веселья: в первые дни плавания на нас обрушился 12-балльный ураган), поляки в основном занимались собой, наши же постоянно озирались по сторонам, как и всякий советский человек, впервые попавший за границу. Морская болезнь также не способствовала нашему сближению.

Контакты стали налаживаться в сороковых широтах. Помнится, ночью на вахте я описывал Полу Феллерсу нашу роскошную двухкомнатную квартиру в Чертанове, он же, в свою очередь, поделился сведениями о двухэтажном доме, об утренних прогулках на катере, об уик-эндах. А после мыса Горн он согласно старой моряцкой традиции предложил мне золотую серьгу, но я гордо отказался, лопух.

Поляки мне серег не предлагали, но когда я не мог подняться на работу, ее за меня выполнял Мачек Омбах.

Нас объединяло общее дело — круглосуточные вахты, работа с парусами, и никто не думал о великой миссии посланцев мира с крыльями за спиной и ветками в клювах. Сближение шло само собой. Иногда бывало трудно одному справиться со снастями, и тогда рядом оказывался весельчак Трэй, или работяга Мачек, или опытный Петер Ребане.

Американцы почти ничего о нас не знали: кто-то с трудом вспомнил «какого-то Лео Толстого», о Пушкине и слыхом не слыхивали, почти никто не знал о нашей перестройке. Да они этим и не очень-то интересовались. Зато Джон Нортон с удовольствием рассказывал мне об артистах Большого театра, перечислял наиболее понравившихся ему танцоров. И когда мы бросили якорь у берегов США, мы все знали друг о друге уже достаточно много. Мы знали, на что способен каждый член нашего экипажа.

Отношения между нами не отличались особенной изысканностью, на море это невозможно. Выражений во время штормов, когда приходилось работать в жутких условиях, не выбирали, мы говорили не на чистом английском, как это было задумано, а на жаргоне, в который входили и русские, и польские слова, достаточно специфические. Бывали стычки и в спокойное время плавания. В такие моменты казалось, что рожа соседа тебе просто надоела, и все это ему высказывалось. Но сосед не отставал — у него всегда находилось, чем ответить.

Я думаю, что в смысле отношений переломной точкой похода было посещение США. Мы, поляки и советские, вновь открыли для себя наших американцев, когда увидели, как они живут, познакомились с их родными, пожили у них в домах, окунулись в их быт. Эти милые, улыбающиеся люди старались устроить нам хороший отдых и очень в этом преуспели. Нам везде были рады. За две недели я не услышал ни одного грубого слова.

Вообще-то с нашими американцами всегда было весело. Они постоянно шутили, устраивали какие-то розыгрыши. Помню, как-то ночью они перемазали всех кремом для бритья, а потом ходили и фотографировали. Если у них было хорошее настроение, они задевали всех, кто был рядом, мешали работать и отшучивались. Это не раздражало, потому что всем им присуще чувство меры. Достаточно было сказать: «Please, don't!» («Пожалуйста, не надо!»),— и тебя оставляли в покое.

Иногда, правда, их было трудно понять. Однажды Джон Крофт, наш мичман, проверял работу Трэя, который висел на страховке за бортом и чистил его. Когда подошло время вылезать, Трэй решил еще повисеть, но Джон поставил условие: «Если я досчитаю до десяти, а ты не вылезешь, я вылью на тебя ведро воды!» Трэй отказался вылезать, и Джон вылил на него полное ведро грязной воды. Но тот даже не подумал обижаться. Когда он вымылся, он вылил на матрац Джона полный чайник воды.

Такую жизнерадостность можно объяснить их стилем жизни. Ну, скажите, зачем им унывать, огорчаться и

жаловаться, если все о'кэй? Если каждый может делать то, что хочет, если, в конце концов, их так воспитали! Им все просто: подделать удостоверение (когда мы подходили к Лондону, многие наши американцы стали подделывать водительские права, прибавляя себе возраст, меняя адрес и имя. Оказалось, в Лондоне они хотели побаловаться пивком, но где-то разузнали, что в Лондоне пиво не продают лицам, не достигшим восемнадцати лет), сказать что-нибудь приятное, улыбнуться, пошутить (хотя бы даже и над капитаном). А я, проживший в такой среде пять месяцев, сколько ни пытался, не смог бы так, потому что это воспитывается с пеленок.

Моим близким другом на «Погории» стал Расс Дроук. Мы много времени проводили вместе, болтали буквально обо всем. Частенько мы сбегали с уроков, чтобы пообщаться. Он очень интересный человек: помимо того, что он играет на трех музыкальных инструментах, он знает испанский и успешно изучает русский, занял второе место в американских соревнованиях по каратэ среди 16-летних, серьезно увлекается радио (у него дома радиостанция). Он вообще очень неординарно мыслит. Он даже захотел вступить в ВЛКСМ, когда узнал, что это такое.

Я не часто разговаривал с американцами о политике — было много других интересных тем, но когда это случалось, они все убежденно говорили, что капитализм лучше социализма и что Соединенные Штаты — лучшая в мире страна. Хотя никто из них не был настроен воинственно и уж, конечно, никто не думал, что коммунисты угрожают всему миру. Наоборот, как-то Трэй сказал: «А представь, что наши страны воюют между собой. Мы с тобой бежим навстречу друг другу с автоматами, целимся. Я бы не смог выстрелить, а ты?»

Я как-то все забываю сказать, что во время плавания мы еще и учились. Больше всех мне запомнились уроки биологии, их вел Джон Крофт, американец. Как-то он посадил с одной стороны всех верующих, а с другой — атеистов. И дал задание обеим сторонам спорить о том, как возникла жизнь на земле, причем можно было пользоваться не только Библией и теорией Дарвина, но и самим выдумывать гипотезы. Спорили весь урок, но так ничего и не доказали друг другу...

Время шло. Мы подходили к Европе. Близился Ленинград. Американцы расспрашивали, где мы будем жить, поедем ли в Москву, побываем ли в наших домах, сколько нужно поменять денег и много ли стоят сувениры; поляки — сколько стоит халва, фотоаппарат «Зенит» и др. Видно, что им было очень интересно, отчего я испытывал гордость, или, вернее, радость хозяина. В Ленинграде и Москве я получил истинное удовольствие, что сумел хоть как-то отплатить американцам за прекрасный прием в США. Несмотря на осаждавших нас валютчиков, на то, что мы в течение двух часов не могли поймать такси, несмотря на нашу магазинную убогость, им все-таки в Москве очень понравилось. Я все хотел сводить их к себе домой, но у нас была такая плотная программа, от приема у А. И. Лукьянова до поездки в Звездный городок, что времени просто не оставалось.

Однако из Ленинграда мы уходили в Гданьск без тоски: поляки и американцы хорошо отдохнули, а я повидался со своими и мог плавать еще столько же. Джон Нортон купил в Ленинграде статуэтку Чайковского, а Трэй — Петра I на коне. Мы им подарили книги Гоголя, Толстого, Тургенева на английском. Трэй допоздна зачитывался «Записками сумасшедшего»: «Интересная вещь!»

Пятимесячное плавание подходило к концу. Мы жили вместе последние недели. Помню, стоял я на штурвале в Балтике и, повернувшись вполоборота к Трэю, стоявшему на компасе, болтал с ним. Был полный штиль, и я редко подправлял курс. Мы вспоминали все, что пережили вместе, строили планы на будущее, думали, как нам поддерживать контакты. А тем временем судно делало приличный крюк. Заметили мы это, когда наш офицер, пан Анджей, вышел на мостик. Мы все поглядели на компас — отклонение в 60 градусов. Я почувствовал себя свиньей перед Анджеем, а он лишь покачал головой и спустился к себе. Такая реакция нас поразила — всегда очень требовательный, пан Анджей промолчал...

Последние сутки мы провели в Варшаве. Весь день нас возили по городу, вечером мы были на дискотеке, а ночью Джеррод, Трэй, Мэт, Расс, Грэг и я бродили по городу.

Расставание было быстрым. Нас, советских, подняли, когда американцы были уже в аэропорту, поляки к тому времени тоже разъехались по домам. Мы опоздали на автобус, пришлось до аэропорта добираться своим ходом. Впопыхах мы прошли регистрацию, и тут в последний раз я увидел своих американских друзей. Мы наспех обнялись. Что-то ужасное происходило на наших глазах, и мы ничего не могли поделать. До сих пор я вижу их лица и печальные глаза: «Неужели это все?»

А в июне прошлого года весь экипаж «Погории» пригласили в Петрозаводск на слет юных моряков. Для американцев это оказалось невозможным — авиабилет туда и обратно стоит бешеные деньги. Но все же в Петрозаводске встретились польская и советская команды, а также прибыл сам капитан Барановский и мой офицер, пан Анджей. Захожу я в морское училище, открываю дверь своей комнаты и вдруг слышу сзади: «Пшиско!» Это же моя кличка, данная мне за дикую шевелюру,— «Псина»! Поворачиваюсь — стоит Мачек и сияет.

Казалось бы, вот мы снова вместе, но как же не хватало Расса, Трэя, Ная, мичманов, да и обстановка уже не та.

на стр. 9 ▶

Однажды, накануне первой мировой войны, в казино Монте-Карло появилась красивая молодая женщина. Она приходила сюда каждый день, делала небольшую ставку и после игры тотчас покидала зал. Таинственная незнакомка заинтересовала владельца казино. А им был сам герцог Альберт I, правитель Монако. Дама представилась герцогу немецкой княжной Софией, и монарх пригласил ее в гости в свой замок. В разгар любовного романа дама внезапно исчезла, а вместе с ней — и драгоценности из сейфа герцога. Конечно, прежде чем приглашать ее к себе в дом, герцогу следовало бы навести справки, но где?

И герцогу пришла мысль собрать в Монако начальников полиции разных стран и учредить международный центр уголовной полиции. Так он и поступил — и организация была создана. Но началась первая мировая война, раскидав едва успевших пожать друг другу руки полицейских по разные стороны фронтов.

НЕУДАЧНЫЕ РОДЫ

В 1923 году по инициативе полицай-президента Австрии Иоганна Шобера на Второй конгресс Международной комиссии уголовной полиции (первым было решено считать встречу в Монако) в Вену съехались начальники полиции двадцати стран. Они договорились о создании международной организации по сбору и обмену информацией со штаб-квартирой в Вене, а Шобер был избран ее президентом.

ИНТЕРПОЛ

В. СИМОНОВ

Учредители постановили заниматься только уголовными преступлениями. На участие в расследованиях преступлений, совершенных по политическим, расовым или религиозным причинам, налагался запрет. То есть если преступник грабит банк, но при этом принадлежит к революционной организации и использует награбленные деньги для борьбы с правительством, тогда Международная комиссия умывает руки.

Но отгородиться от политики оказалось не просто: противоречия между странами обострялись, политические убийства, терроризм уже становились привычным делом, зрела новая мировая война. И в обход заявления о политическом нейтралитете в картотеку в Вене стали стекаться сведения не только об уголовниках, но и о различных «подрывных элементах».

В 1938 году в результате аншлюса Австрии германская армия вошла в Вену. Прежний президент Международной комиссии уголовной полиции был попросту заменен на австрийского нациста Штайнхозля, только что освобожденного из тюрьмы. Потом так же просто этот пост перешел в руки шефа политической полиции Германии Рейнхарда Гейдриха, а штаб-квартира и все досье переехали в Берлин. Несогласные с самоуправством Германии с той же поразительной простотой были исключены из членов организации, превратившейся отныне в канцелярию по рассылке циркуляров гестапо.

С помощью захваченных досье гестапо разыскало многих известных преступников и после ареста «предложило» им сотрудничество с «третьим рейхом». Пойманные воры, мошенники, взломщики стали осведомителями, провокаторами, наемными убийцами.

Очень пригодились фальшивомонетчики. В концлагере Ораниенбург они участвовали в операции «Бернгард», печатая для подрыва английской экономики фальшивые фунты стерлингов. В другом концлагере, Заксенхаузене, было выпущено банкнот на сумму в сто пятьдесят миллионов фунтов стерлингов.

В результате бомбежек союзников бóльшая часть международной картотеки на преступников погибла, но часть досье была захвачена французской армией.

Через год после войны эти документы окажутся в Париже [1], в штаб-квартире возрожденной Международной комиссии уголовной полиции и составят ядро картотеки Интерпола — организации, о которой через десяток лет будут ходить невероятные легенды.

СЕКРЕТНЫЕ АГЕНТЫ

Вот одна из таких легенд. Из экспресса Анкара — Измир выходит хорошо одетый американец. Судя по манерам, видавший виды, «крутой» человек, очевидно, принадлежащий к миру мафии. Он останавливается в лучшем отеле, зарегистрировавшись под именем Гарри Паркера.

В тот же день Паркер направляется в портовый притон «Метрополь». Он разыскивает некоего Мейи, турецкого мафиози, контрабандиста наркотиками. Но едва он входит в бар, как к нему пристает вымогатель. Одним ударом уложив наглеца, Паркер тем самым завоевывает расположение Мейи, видевшего сцену драки, и договаривается с ним о покупке большого количества наркотиков.

Под видом американского мафиози действует секретный агент Интерпола. Ему удается встретиться с главарем контрабандистов, и сквозь автоматные очереди турецких мафиози он спасается на автомобиле с чемоданом, полным наркотиков. В финале турецкая полиция накрывает тайную лабораторию по переработке наркотического сырья, главарь преступников арестован.

Эту и еще дюжину захватывающих историй о работе тайных агентов Интерпола в разных точках Земли рассказал журналист Дерек Агню в книге

[1] *В 1988 году штаб-квартира Интерпола переедет в Лион.— Прим. ред.*

документальных очерков «Тайный агент», вышедшей в Лондоне в 1959 году. В те годы детективные истории об Интерполе были в большом ходу. В США с успехом прошел телесериал «Человек из Интерпола» о подвигах секретного агента месье Дюваля.

Так что в 1960 году, когда в Вашингтоне проходила очередная генеральная ассамблея Интерпола, вся американская пресса бросилась посмотреть на суперполицейских. И разочаровалась. Вместо Бондов и Дювалей журналисты увидели внешне заурядных, ничем не примечательных людей. Сам суперагент, генеральный секретарь Интерпола месье Сико выглядел как обыкновенный конторский служащий.

Действительно, конторская, бумажная работа — душа Интерпола. Иногда сами «секретные агенты» в шутку называют его «сейфом» или «почтовым ящиком».

ИНТЕРПОЛ

Название Интерпол — это сокращение от двух слов: «интернэшнл полис» (международная полиция) — утвердилось за организацией лишь в пятидесятые годы. Прежде аббревиатура использовалась только в качестве позывного радиосвязи, но однажды Марсель Сико на пресс-конференции в Италии, рассказывая, каким образом штаб-квартира связывается с местными отделениями, упомянул позывной — и слово прилепилось, многократно повторенное газетами. В 1956 году на генеральной ассамблее международной полиции сокращенное наименование Интерпол было утверждено официально.

Генеральная ассамблея Интерпола собирается каждый год, всякий раз в разных странах. Чрезвычайные ассамблеи — всегда во Франции. Генеральный секретарь избирается на пять лет, но может быть переизбран сколько угодно раз, пока ему не исполнится шестьдесят пять лет — таков возрастной предел. Генеральному секретарю Интерпола и кому бы то ни было из его штата запрещается принимать инструкции от любого правительства или лица. В Интерпол принимаются государственные органы полиции в том случае, если они не занимаются политической деятельностью, такой, как разведка или контрразведка.

Стрелять и арестовывать преступников — дело органов полиции, а дело Интерпола — вовремя предоставлять информацию и по каналам связи координировать действия полицейских в разных странах.

В картотеке Интерпола — миллионы досье с детальными описаниями преступников, их связей, преступлений. Здесь содержатся даже такие мелочи, как названия лодок, номера подозрительных автомобилей, номера паспортов, использовавшихся людьми, находившимися под наблюдением, данные об оружии, имеющем хождение в уголовном мире. Фототека организована по принципу шестизначного кода: каждая цифра обозначает определенную характеристику лица. Если преступник сделал себе пластическую операцию, все равно код неизменных характеристик лица поможет его опознать.

Или, например, следствие не располагает ни именем, ни фотографией, ни отпечатками пальцев, но очевидец оказался достаточно наблюдательным и может дать информацию о голосе, манерах, походке, комплекции, примерном росте и так далее. Интерпол найдет в картотеке нужное досье. Порой для этого достаточно единственной характерной приметы.

На вооружении Интерпола — новейшие системы связи и компьютерной техники. И хотя объем информации быстро растет, его сотрудники находят нужное досье в считанные минуты.

НА СТРАЖЕ ПИКАССО

Службы Интерпола разбиты на секторы, каждый занимается сбором информации по определенным видам преступлений. В одном из таких секторов собрано огромное количество досье на лиц, причастных к ограблениям музеев, на частных коллекционеров, способных скупать краденые произведения искусства.

31 января 1976 года. Три вооруженных грабителя ворвались в Папский дворец в Авиньоне, связали сторожей и забрали с собой сто восемнадцать картин и рисунков Пикассо. Вскоре Интерполу стало известно, что одному из голландских антикваров было предложено купить картины Пикассо. Под видом месье Матье, посредника богатого бразильского коллекционера, французский детектив вошел в контакт с грабителями, вручил им аванс за обещанные шедевры, которые вскоре и были доставлены преступниками в Марсель, в условленное время и место. При задержании они пытались отстреливаться, но в итоге были арестованы, а картины вернулись в музей.

Увы, в картотеке Интерпола куда больше фотокопий исчезнувших картин, чем возвращенных. Ежегодно похищается до пятидесяти тысяч произведений искусства. И все-таки музейные кражи не главная из проблем Интерпола.

ОГРАБЛЕНИЕ ПО ТЕЛЕФОНУ

1 ноября 1955 года в небе США в районе Лонгмонта взрывается пассажирский самолет. Как выяснилось впоследствии, некий Джек Грэхэм подложил бомбу в чемодан матери, летевшей тем рейсом, с целью получить за нее страховку в тридцать семь тысяч восемьсот долларов. Авиакатастрофы ради страховых денег становятся типичным преступлением на международных авиалиниях.

Другой типичный вид наживы на смерти авиапассажиров — телефонное вымогательство. Весной 1971 года австралийский лайнер из аэропорта Сиднея вылетел в Лондон со ста двадцатью восемью пассажирами на борту. Когда самолет находился над акваторией океана, неизвестный по телефону сообщил в авиакомпанию, которой принадлежал лайнер, что в самолете спрятана бомба с часовым механизмом. Преступник заявил, что способ обезвреживания известен только ему и что времени до взрыва осталось очень мало. Он потребовал полмиллиона фунтов стерлингов. Ему их тотчас привезли. Взяв деньги, он обещал открыть секрет по телефону только после того, как почувствует себя в полной безопасности. Бомбы в самолете не было.

Но не раз случалось, что бомба все-таки оказывалась на борту самолета. Поэтому честь и хвала владельцам авиакомпании, не ставшим рисковать жизнью пассажиров. И сегодня из-за телефонного вымогательства, да и просто звонков «шутников» авиакомпании по всему миру несут огромные убытки от задержек лайнеров для обыска их салонов. Интерполом разработана эффективная методика предотвращения инцидентов, поиска и задержания «телефонных» преступников.

НЕБЕСНЫЙ ТЕРРОР

В 1950 году в Международную комиссию уголовной полиции поступает просьба от Чехословакии оказать помощь в розыске преступников, угнавших пассажирский самолет. И хотя угонщики подвергли жизнь пассажиров смертельной опасности, шеф ФБР Эдгар Гувер заявил об отказе подключать к розыску полицию США, так как самолет был угнан политическими беженцами, спасавшимися от «коммунистического режима». Большинство членов Комиссии не поддержало Гувера, и благодаря совместным действиям полиции разных стран один из преступников был выдан чехословацким властям. Тогда ФБР демонстративно приостановило свое участие в деятельности Международной комиссии.

Но, как правило, преступники, совершавшие угоны самолетов, не несли никакого наказания, пользуясь статусом политических беженцев. В мире, разделенном на два враждующих лагеря, высшие политические интересы перевешивали право на жизнь обыкновенных людей. В шестидесятые годы из пятисот преступников, участвовавших в угонах самолетов, только семьдесят два были преданы суду.

В ноябре 1969 года Международный союз пилотов направил в ООН письмо, в котором угрожал объявить всемирную забастовку, если эта организация не найдет средств обуздать террористов. До забастовки не дошло, но факт говорит, как накалена была обстановка.

И внутри Интерпола бушевали страсти: многие страны требовали его участия в борьбе с воздушным террором. Этот вопрос ставился на генеральной ассамблее в Киото в 1967 году. И на следующей генеральной ассамблее в Тегеране. Наконец в 1972 году Интер-

пол принял решение — считать воздушный терроризм уголовным преступлением. А также посылку бомб в почтовых бандеролях политикам, журналистам и общественным деятелям зачислить в тот же разряд.

Правда, проблема отношения Интерпола к политическому терроризму до конца не разрешилась. 1981 год. В Турции Али Агджа, член неофашистской организации «Серые волки», убивает редактора либеральной газеты «Миллет» Абди Ипекчи. Приговоренный к смертной казни, он совершает побег. С фальшивым паспортом пересекает границы четырнадцати европейских государств — но Интерпол не вмешивается. И вот весной 81-го Агджа совершает покушение на папу Иоанна Павла II.

ЧУМА XX ВЕКА

На стене в штаб-квартире Интерпола висит огромная карта мира, на которой отмечены главные маршруты контрабанды наркотиков. Одна из линий тянется из Ливана. Хотя правительство этой страны еще с 1925 года пыталось уничтожить посевы конопли, уговорив местные племена вместо ее сбора выращивать подсолнухи, и выделило средства для освоения 35 тысяч гектаров земель, но военные и политические распри опрокинули этот план.

То, что огромные партии наркотиков поступают на европейский рынок из Ливана, в Интерполе было известно, но никак не удавалось обнаружить способ их транспортировки. И вот однажды офицер таможенной службы обратил внимание, что один и тот же караван верблюдов, но с разными погонщиками постоянно курсирует через границу и обратно. Ему пришла идея просветить брюхо одного из верблюдов рентгеновскими лучами — там оказались целлофановые пакеты с героином. Чтобы извлечь пакеты из желудка, существует простое средство — слабительное.

В картотеке Интерпола хранится множество описаний хитроумных способов перевозки наркотиков: в автомобильных покрышках, в контейнерах с живой рыбой, в чужих чемоданах ничего не подозревающих хозяев. Опыт же транспортировки в верблюдах дал неожиданный результат — пакеты с наркотиками стали провозить в собственных желудках сами люди. Часто желудочный сок разъедал целлофановую упаковку — и курьеры погибали от наркотического отравления.

В 1969 году на генеральной ассамблее Интерпола в Мехико делегаты выслушали сенсационный доклад, из которого следовало, что эпидемия наркомании приобретает всемирные масштабы. Это сейчас, когда уже прошло несколько десятков лет, факт ни у кого не вызывает сомнений, но в те времена Интерпол стал одним из первых, кто забил тревогу.

Страшная особенность эпидемии заключалась в том, что теперь наркобизнесом занимались не только уголовники, но все больше людей, не имеющих отношения к преступному миру. В своих чемоданах, не подлежащих таможенному досмотру, наркотики везли дипломаты, журналисты — под обшивкой автомобилей, студентки — в рюкзаках, матери — в пеленках вместе с грудными младенцами. Все хотели легких денег.

Интерпол тесно сотрудничает с комиссией по наркотикам при ООН, разрабатывает рекомендации контрмер для правительств, организует курсы обучения полицейских техническим средствам обнаружения и уничтожения урожаев наркотического сырья, является инициатором создания фондов на нужды борьбы с наркобизнесом.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В МЕЖДУНАРОДНУЮ ПОЛИЦИЮ

Осенью 1987 года с Термезской таможни в Москву пришло сообщение: из Афганистана транзитом через СССР в Канаду следовало несколько контейнеров с партией запрятанных в кипах шерсти наркотиков. В Москву по приглашению советской стороны прибыли сотрудники канадской полиции. Совместно был разработан план операции. Контейнеры беспрепятственно отправились в Мурманск, а оттуда на судне «Бухтарма» — в Монреаль. Канадские агенты тайно сопровождали груз, проследили за его разгрузкой и дальнейшим маршрутом. Получателем товара оказалась фирма «Шенкер оф Кэнада». Преступники были арестованы, конфисковано более пяти тонн гашиша.

В апреле 1988 года совместно с полицией Великобритании успешно проведена операция «Дипломат», проходившая по той же схеме, с той лишь разницей, что наркотики перевозились в мешках с солодовым корнем из Афганистана в английский порт Тилсбери. Английская полиция арестовала пятерых преступников, конфисковав три с половиной тонны гашиша. За тот год, благодаря совместным операциям, было изъято десять тонн гашиша.

В этом году в Москве прошел международный семинар «Стратегия предупреждения преступности», на который съехались представители полиции со всего мира, среди них был и сам генеральный секретарь Интерпола Раймонд Кендалл, в прошлом сотрудник Скотланд-Ярда. Мистер Кендалл не стал скрывать, что одна из целей его визита — обсуждение с советским руководством конкретных деталей вступления СССР в Международную организацию уголовной полиции.

Сегодня в Интерполе состоит 150 стран, среди них Китай и такие страны Восточной Европы, как Югославия, Румыния, Венгрия и Болгария. Ближайшая генеральная ассамблея организации состоится в сентябре в Оттаве, где, есть все основания надеяться, будет рассматриваться и вопрос принятия в Интерпол Советского Союза.

со стр. 6 ▼

Попав на сушу, все как-то изменились. Близость куда-то исчезла, уступив место просто приязни и расположению.

После Петрозаводска я принимал наведывавшихся в Москву наших ребят с «Погории», писал письма в США и Польшу и ждал ответов. И вот в 8 утра 22 июля позвонил Расс. Мы болтали о пустяках, но этого хватило, чтобы воскресить нашу дружбу. 26 июля, тоже утром, позвонил Трэй. И, уже начав было унывать, я вновь воодушевился. Постепенно потянулись письма, чаще всего от Ная, хотя в походе не все между нами было гладко. Однажды даже дошло до рукоприкладства. Не помню, из-за чего это произошло, должно быть, из-за какой-нибудь мелочи. Но в тот же день на ночной вахте, излив по очереди душу, мы обнаружили, что прекрасно понимаем друг друга.

Да, я полюбил этих американцев и их страну, но нас разделяют тысячи километров, и, чтобы поддерживать контакт, нужна крепкая дружба. Конечно, не все способны на это. Вот Джеррод, он уверял меня, что мы друзья навек и что мы обязательно встретимся после похода, но что-то пока не пишет. А Най, у которого отец недавно потерял работу, из-за чего им приходится теперь ездить по Штатам, пишет мне письма, которыми я горжусь...

А я вспоминаю и вспоминаю...

О том, как в Лиме (Перу) высадили на берег американца Зейна Йодера. Нам так и не стало ясно, за что. Говорили, будто у него астма и ему вредно находиться в открытом океане. Зейн очень не хотел уезжать домой, и мы решили выставить пикеты в его защиту. И вот после отбоя (жуткий грех!) мы собрались на корме, как раз над каютой капитана. Зейн стал дико скакать по палубе, на грохот вышел кэп. Капитан очень разозлился, когда увидел всю ораву. Мы выразили ему наши требования, но он ответил, что все вопросы будет решать завтра, а теперь отбой!

Это был первый и последний бунт. Мы так и не смогли помочь Зейну, он остался на берегу. Слово капитана — закон, хотя атмосфера на корабле была вполне демократичной. У нас даже был специальный урок «Social hour» («Социальный час»), на котором можно было поднять любую проблему, мы сообща решали все вопросы, начиная с того, в какой порт нам заходить, а какой пропустить, и кончая вопросом — устраивать нам полдник или нет...

Или о том, как в Гамбурге нас возили на автобусе по городу, а в конце провезли по району, где собираются все проститутки, где сконцентрированы кабаре и специальные кинотеатры. На следующий день Джеррод и Трэй отправились туда посмотреть фильм. Потом они говорили, что им не понравилось: «В зале сидели одни старики и два часа подряд тупо смотрели на экран».

«Я сомневаюсь, что археолог, открывший захоронения египетских фараонов, почувствовал большее потрясение, чем я»,— рассказывает фотограф Джозеф Кзарнеки, вспоминая, как он обнаружил на одной из стен Освенцима картину, которую назвал «Балерина». «В этом страшном доме она была спокойна и серьезна, как Будда».

Предмет интереса Кзарнеки — произведения искусства Освенцима. Обычно маршруты экскурсий по концентрационному лагерю обходят их стороной, для многих они остаются сокрытыми темнотой ниш и подвалов. Художники Освенцима, как правило, не подписывали своих работ.

Кзарнеки, фоторепортеру, работающему в Польше по заданиям журнала «Тайм» и агентства «Рейтер», часто приходилось фотографировать официальных иностранных представителей во время их экскурсий по концлагерю. «Многократность посещений приглушила во мне чувство шока, ярости, скорби, которое испытывает человек, впервые увидевший все это». Из любопытства он начал фотографировать граффити, время от времени обнаруживая на стенах камер концлагеря картины, впоследствии вошедшие в его фотоальбом «Последние следы. Потерянное искусство Освенцима».

Начиная с 1987 года Кзарнеки сфотографировал сотни надписей, настенных картин и рисунков: от номеров, выбитых на камнях стен, до талантливых изображений природы.

«Я вел свои поиски с помощью фотовспышки или галогеновой лампы в тысячу ватт,— рассказывает он.— Если применить более совершенные методы, трудно предсказать, что еще может быть обнаружено на крашеных стенах Освенцима, наверняка нацисты замазывали неугодные им картины краской».

Некоторые работы создавались с разрешения лагерного начальства. Например, картина, названная «Штрафная рота», изображающая, как заключенные роют траншею для осушения болота под Биркенау. «Нацистам не приходило тогда в голову, что такая настенная живопись станет обвинением против них»,— объясняет Кзарнеки.

Другие картины рисовались тайно, в них много черного юмора и сарказма, как, например, в картине «Аптекарь», которая на первый взгляд всего лишь изображает грустного, возможно, пьяного аптекаря. Но Кзарнеки утверждает, что образ символизирует нацистскую псевдонауку, попытавшуюся улучшить мир, убивая «неполноценных». Черная кошка, изогнувшаяся на глобусе, усмешка черепа, паук, плетущий на решетке окна паучью сеть,— все это символы судьбы, уготованной нацизму.

Несмотря на ужасы бойни в Освенциме, именно в этом концлагере ро-

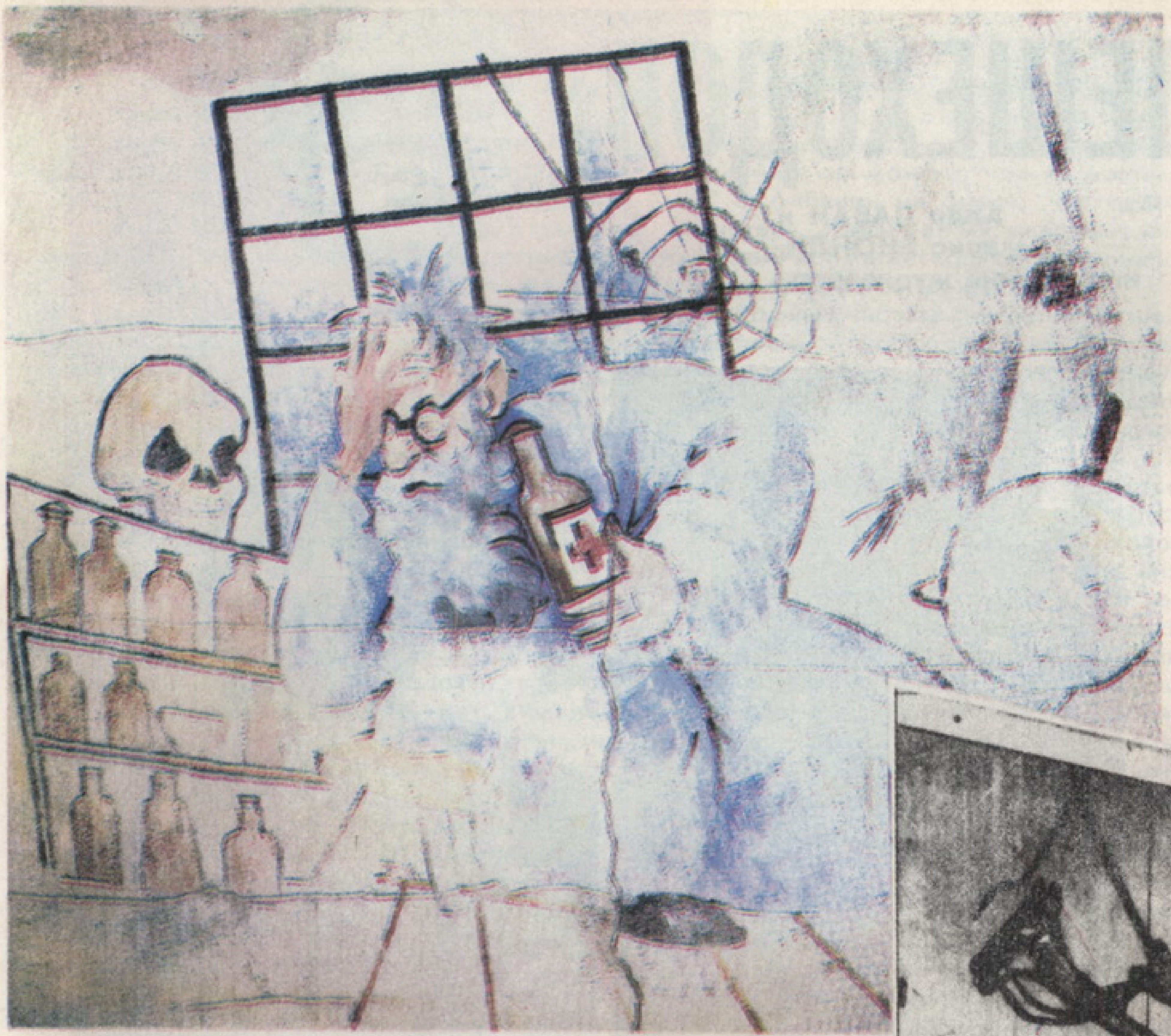

дилась и величайшая история любви, о которой рассказывает Кзарнеки. Его альбом включает надписи и рисунки Эдварда Галински, католика, в которых тот признается в любви к еврейке Мале Зиметбаум. Один из охранников лагеря помог Эдварду переодеться в форму СС, 24 июня влюбленные совершают побег, но 6 июля гестаповцам удается поймать Малу. Тогда Эдвард сам сдался в плен, чтобы быть вместе с ней. Их вернули в Освенцим с целью устроить показательную казнь. Когда же на шею Эдварду накинули веревку, кто-то из толпы заключенных крикнул: «Снять головные уборы!» — и все обнажили головы.

Перевел с английского
В. ВЛАДИМИРОВ

ИСКУССТВО ОСВЕНЦИМА

«ОСТРОВ ПЕШЕХОДОВ»

Алдо ПАВАН и
Марио БИОНДИ,
итальянские журналисты

Невесту в белом платье на каждый следующий танец приглашает новый кавалер. Невеста неутомима. Ударные, кларнет, гитара, гармошка... Одна мелодия сменяет другую, и так до поздней ночи. Завтра свадьба продолжится в доме жениха. И все будет как сегодня: музыка, танец и стаканчик ракии. Впереди у молодоженов совместная жизнь. Разумеется, обряда венчания не будет. Их ждет лишь «благословение» местных властей.

Четверо музыкантов заиграли известную итальянскую песню «Марина». Ах, как близко Италия! «Итальянцы и албанцы? Друзья, друзья! Славяне? Хм... Поглядите, как в Косово сербы убивают албанцев! — говорит нам отец невесты.— Мы все смотрим ваше телевидение — новости, конкурсы, футбол. Я сам болею за «Милан». Он обнимает нас. И как мы только здесь оказались? В общем-то, мы даже не знаем, кто эти гостеприимные люди. Свадьба...

Самолет Рим — Тирана сотворил с нами небольшое чудо. За час полета он перенес нас на десятки лет назад, в совершенно другой мир. Не только Энгельс, Маркс и Ленин, но и Сталин встретили нас с распростертыми объятиями. Энвер Ходжа, отец коммунистической Албании и ее народа, улыбается на каждом углу. Улицы обклеены плакатами: «Слава партии Энвера Ходжи!», «Труд, дисциплина, мир!», «Да здравствует марксизм-ленинизм!» Внешне Албания ныне выглядит точно такой же, как и раньше: непримиримой к переменам в коммунистическом мире (с Советским Союзом, который «осквернил себя ревизионизмом», она рассорилась в 1961 году), далекой от Китая (пути обеих стран разошлись в 1978 году по причинам, не вполне понятным и сегодня).

Сегодня, когда с грохотом рушатся многие стены мира «реального социализма», в Европе осталась единственная глухая стена — окружающая Албанию. Суждено ли этой стране и в будущем оставаться такой же непроницаемой, как раньше, и непримиримой к переменам в Европе и к перестройке в Советском Союзе, про которую, по свидетельству итальянских журналистов, чей материал мы предлагаем вниманию читателей «Ровесника», в Албании говорят, что с ее помощью «Горбачев собирается продолжать хрущевский ревизионизм, чтобы соревноваться с капитализмом в завоевании всего мира»! Впрочем, со времени написания этого материала жизнь не стояла на месте. Партийный лидер Албании Рамиз Алия сделал официальное заявление о том, что Албания заинтересована в восстановлении дипломатических отношений с Советским Союзом, а МИД СССР в ответ подтвердил свою готовность к их восстановлению и развитию. Следом за этим албанский парламент утвердил изменения в законодательстве, обеспечивающие свободу вероисповедания, либерализацию выезда из страны, права на юридическую защиту граждан. Со времени основания республики в 1946 году это — крупнейшие реформы. Станут ли они реальностью для албанского народа!

«Перестройка — это идеологический механизм для оболванивания масс,— говорит нам профессор университета Сервет Паллумби.— С помощью перестройки Горбачев собирается продолжать хрущевский ревизионизм, чтобы соревноваться с капитализмом в завоевании всего мира. Русский ревизионизм противоречит коммунизму. На деле в Советском Союзе сейчас поворачивают назад...»

Сегодня Албания — последний в Европе островок ортодоксального марксизма-ленинизма. Но если Москва и Пекин становятся отсюда все дальше и дальше, то до Запада — рукой подать. Он близко, устрашающе близко. Экономические связи приносят стране твердую валюту. Увеличивается экспорт. Открываются новые возможности экономического развития. Так что у сегодняшней Албании две души: одна ненавидит некогда братские коммунистические страны за то, что те сошли с правильного пути, в то время как другая кокетничает с не менее ненавистной капиталистической системой. Идеологический разрыв с Востоком и экономическая солидарность с Западом.

В центре Тираны, около университета, под портретом Энвера Ходжи, к нам подошла компания студентов. Они расспрашивали, как мы живем, что думаем о них. Албанцы, особенно молодые, жадны до новостей о том, что происходит за пределами страны. Ведь они не могут свободно путешествовать по миру, исключение составляют лишь те, у кого имеются убедительные причины для учебы или работы за рубежом. Такая непроницаемая изоляция продолжается уже сорок лет.

Но как сочетается эта несвобода с новым поворотом к Западу? Не свидетельствует ли последнее обстоятельство о том, что в сегодняшней Албании что-то в самом деле меняется? «Какие там перемены! Наша международная политика все та же. Ничего нового» — эти слова мы слышали здесь постоянно. Не надо этому удивляться. Таков стиль режима, который сорок лет производил лишь сам себя. Ничего здесь не может вырваться за границы политических «правил», продиктованных Энвером Ходжой.

Основатель «народной республики» уже много лет как умер, но оставил своему народу весомое наследство: дом, превращенный в музей «отца народа», заполненный его личными вещами и фотографиями; споры с югославами, русскими, китайцами и вообще почти со всеми народами мира и враждебное отношение к окружающему миру. К частной собственности (разрешены лишь сельскохозяйственные кооперативы), к религии, запрещенной в 1967 году.

Официально Албания — страна безбожников, но, по некоторым сведениям, 65 процентов ее жителей — мусульмане, 20 процентов придерживается католического вероисповедания. Католики отступили на север, в горы, и почти не участвуют в общественной жизни: центральные власти жестоко преследуют их, но те, несмотря ни на что, стремятся жить по древнему «закону гор», основанному на вендетте и кодексе семейной чести. Это напоминает каморру итальянских областей, куда в прошлые столетия бежали от преследований турецких мусульман десятки тысяч албанских католиков.

Враждебность к внешнему миру поддерживается и чисто экономическими рычагами: здесь всегда отказывались от иностранной помощи, считая ее вмешательством в свои внутренние дела. Предметом гордости является факт, что у Албании нет внешнего долга, что здесь нет безработных, налогов, инфляции, и цены не меняются десятки лет. А делается все это упорным трудом на благо родины: работают албанцы 48 часов в неделю с одним выходным. Отпуск у рабочих и крестьян — 21 день, у интеллигенции — всего 15. Студенты, помимо учебы, обязаны работать.

Поскольку «экономика страны этого не позволяет», здесь нет ни одного личного автомобиля. На улицах вы увидите лишь несколько польских «фиатов» и чехословацких «шкод», разумеется, государственных. Албания — «остров пешеходов», поэтому города — в определенном смысле рай на Земле. Никакого шума, никаких стрессов и загрязнения воздуха. Да, воздух здесь, конечно, чистый, но идеологическая и культурная атмосфера — на мертвой точке. Логика простая: раз нет автомобилей, не нужны и автодороги. А без дорог вряд ли куда-нибудь попадешь. Так людям навязывается неподвижность. В половине одиннадцатого вечера даже в самом центре Тираны наступает гробовая тишина. Люди рано ложатся спать, готовятся к новому трудовому дню.

На проспекте Мучеников стоит памятник Ленину, а напротив него высится бронзовый Сталин. Албания — единственная в мире страна, где он до сих пор почитается как вождь рабочего класса. Мимо проходит группа мальчиков и девочек, одетых в военную форму. В руках они сжимают ружья. Военной подготовке в школах уделяются многие часы. Защита страны от иноземного агрессора относится к «непреходящим» задачам социалистической Албании. Режим тратит на вооружение умопомрачительные средства: страна с тремя миллионами населения и 28 тысячами квадратных километров буквально пронизана сетью мини-бункеров и убежищ гражданской обороны.

«Семья — ячейка социализма,— убеждал нас двадцатипятилетний студент, одетый, как и его сверстники, в рабочую блузу и внешне ничем не выделяющийся из общей массы.— Только у нас мало возможностей встречаться с девушками,— вздыхал он.— Мы живем как монахи, пока не женимся». В Албании не знают, что такое дискотека. Здесь нет музыкальных ансамблей, кроме нескольких официальных, разрешенных режимом.

Добрачная чистота считается высшей нравственной добродетелью. Если вы женились или вышли замуж, то и думать не смеете о разводе. И никаких любовных приключений, преследующихся по закону.

В десять утра мы видим вдоль шоссе Тирана — Скутари сотни людей, рассыпанных по полям. У женщин на головах белые платки. Некоторые из них босые. Вокруг колышутся от ветра колосья пшеницы. Рядом с шоссе пасется скот. Группы по восемь-десять человек серпами жнут пшеницу. Потом зерно вручную загружают на телеги, запряженные волами. Кое-где стоят теплицы для овощей. Здесь тоже можно увидеть согнутые женские спины. Женщины вручную сажают помидоры. «У нас 55 тракторов. В хозяйстве 4600 гектаров земли. Здесь работает 4200 человек. Механизация — одна из поставленных партией задач. Но нельзя шагать шире, чем позволяет нога»,— утверждает сорокалетний Фатмир Лила, агроном государственного сельскохозяйственного предприятия «8 ноября», которое считается одним из самых крупных в Албании.

«Проголосуем за наших кандидатов!» — гласят многочисленные лозунги вдоль шоссе. Это албанская предвыборная кампания. За кого следует голосовать, не указывается: людей лишь призывают прийти к избирательным урнам. Нет никого, кто не исполнил бы свою обязанность избирателя. Зачем нужны такие выборы? Ясно зачем: все, кто внесен в бюллетени, должны быть избраны. «Вы хотите знать, имеет ли партия ко всему этому отношение? Разумеется. Ведь иначе она не была бы авангардом народа»,— резюмирует учитель средней школы.

В партии состоят «лучшие», «наиболее сознательные» граждане. Кандидата испытывают от года до двух лет, у интеллигентов стаж более продолжительный, в это время они обязаны работать на производстве или в сельском хозяйстве, чтобы познакомиться с физическим трудом. Наконец, наступает время вынести унизительный разбор своего поведения за время стажа. После всего этого человек становится полноправным членом партии.

Не стремиться стать членом партии считается «алогичным». И это понятно: албанский уголовный кодекс предусматривает за критику политической и экономической ситуации в стране, которая расценивается как «фашистская, антидемократическая, религиозная, военная и антисоциалистическая пропаганда», до десяти лет лишения свободы.

Перевел Виктор ПРУСАКОВ

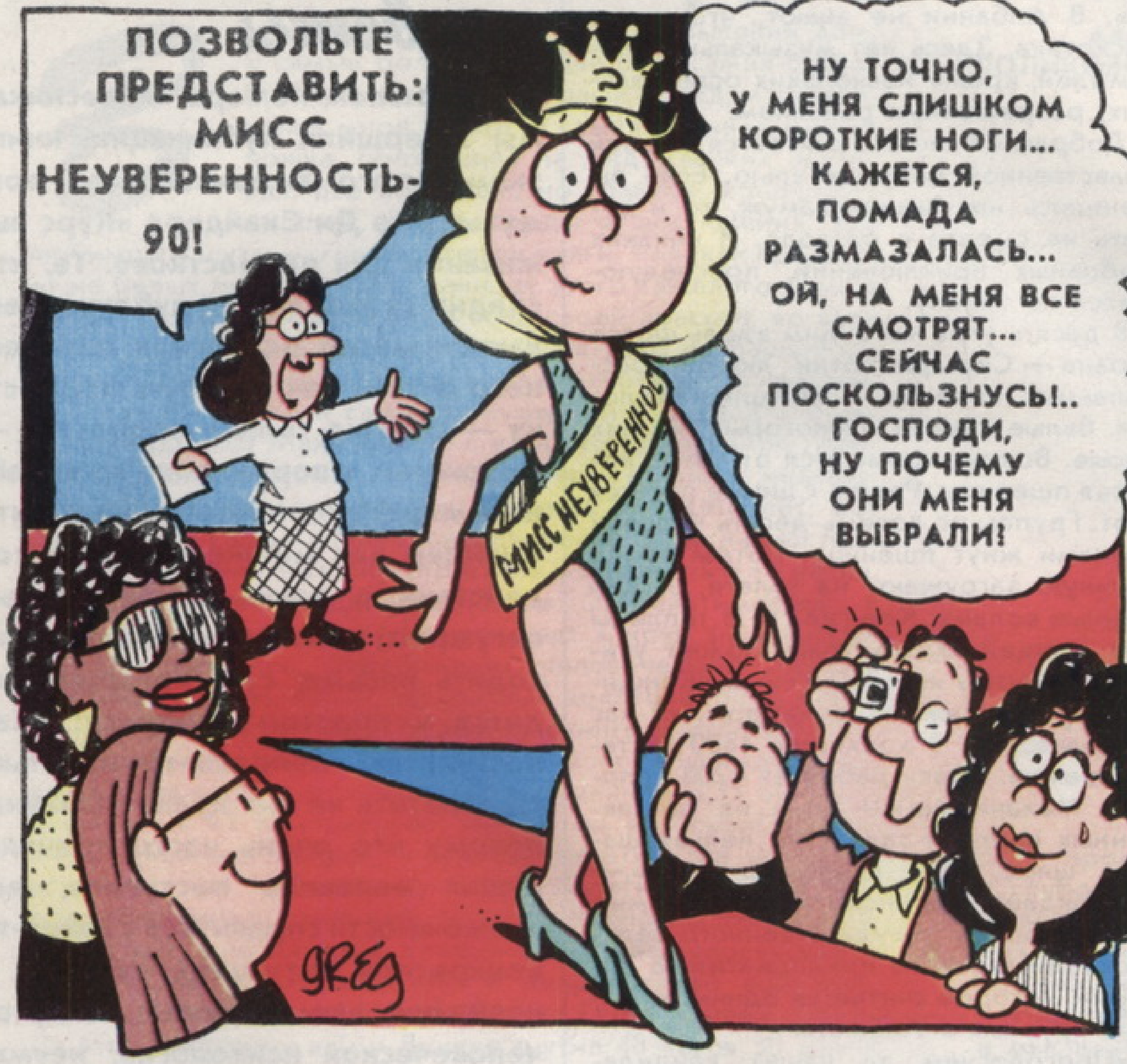
Необязательные советы

В прошлом номере «Ровесника» мы завершили публикацию книги знаменитого американского рок-музыканта Ди Снайдера «Курс выживания для подростков». Те, кто следил за этой нашей публикацией, узнали много ценного и интересного о том, как прожить подростку — да и не только подростку — в сложном и порой даже враждебном мире. Но, несмотря на то, что Снайдер дал множество рецептов действий в каких-то конкретных ситуациях, к нам продолжают приходить письма, суть которых сводится к простому вопросу: «Как поступить!» Вопросы-то простые, да ответить на них крайне сложно, потому что очень часто причины наших неловких поступков, невозможности справиться с какой-то конкретной ситуацией кроются в незнании элементарных законов человеческой психологии, неумении понять не только других людей, но и самих себя...

Именно поэтому с этого номера мы начинаем серию статей зарубежных психологов, посвященных самым разным проблемам, из которых складывается не только внутренняя, но и «внешняя» жизнь молодого человека. Мы решили назвать эту серию «Необязательные советы» — потому что совсем не обязательно, что именно вы мучаетесь неуверенностью, или именно вам свойственны какие-то дурные привычки, от которых вы хотите избавиться, или вы, и только вы подвержены вспышкам неконтролируемого гнева, но... Но никто из нас не безупречен — это следует честно признать. И часто какие-то наши внутренние недостатки, которые мы считаем мелкими, оказывают слишком большое влияние на нашу собственную жизнь и на жизнь близких и не очень близких нам людей. Так что, решив изменить «жизнь вообще», давайте-ка попробуем для начала изменить свою собственную!

КАК ПОБЕДИТЬ НЕУВЕРЕННОСТЬ В СЕБЕ

Валери БРАУН,
американский психолог

Перед тем, как расправиться со своими комплексами, вы должны взглянуть им в лицо и, только определив то, что держит вас на месте, вы сможете сделать шаг вперед. Но будьте честными по отношению к себе. Помните: даже самые крепкие и волевые люди тоже иногда чувствуют себя неуверенно — и это вполне естественно!

Признаки неуверенности

Первый, и самый главный: вы и не пытаетесь добиваться того, чего хотите,— только потому, что боитесь попробовать.

А может быть, вы заранее убедили себя, что ничего и не выйдет? Вы боитесь потерпеть поражение? Боитесь, что над вами будут смеяться? Обижать?

Вот, к примеру, что было с Линдсей Браун. Она — одна из первых учениц в классе, но очень не любит, когда ее вызывают. «Даже если я знаю правильный ответ, я чувствую себя очень глупой, когда поднимаю руку»,— говорит Линдсей. Она боится выказывать свою эрудицию: ей страшно показаться смешной.

А Чарлз Дэвис не стал поступать в колледж, который ему нравился, только потому, что сомневался в своих силах: «Туда берут только лучших из лучших».

Но когда Чарлз понял, что нерешительность мешает ему даже сделать попытку, он подал документы на следующий семестр. «По крайней мере, я попробовал,— говорит Чарлз.— И теперь родители могут гордиться мной». А Чарлз может гордиться собой!

Кладите карты на стол — и вы победите неуверенность.

Помните: неудачи бывали у всех. Но для того, чтобы попробовать, нужен характер! Так не лучше ли потерпеть неудачу, чем вообще ничего не делать? Чересчур осторожные люди теряют веру в себя — и все потому, что им не с чем себя поздравить.

Но если у вас что-то все же не получается, скажите себе: «На этот раз ничего не вышло, но я еще заставлю считаться со мной!»

Конфронтация или конформизм

Еще один верный признак того, что вас поразил вирус неуверенности,— поиски спасения в приспособленчестве. Вы стремитесь ничем не отличаться от других, потому что вам кажется, что другие уже разгадали шараду, пока вы все еще ищете к ней ключ. Доводы других кажутся вам более убедительными, чем ваши собственные. И, чтобы чувствовать себя увереннее, вы нуждаетесь в одобрении, не так ли?

«В прошлом году у наших девушек была мода на длинные и прямые волосы,— рассказывает 15-летняя Лори Леско из штата Массачусетс.— И вот каждое утро я пыталась выпрямлять свои кудри. Это чуть не свело меня с ума!»

В конце концов Лори оставила свои волосы в покое — и выяснилось, что короткие кудряшки идут ей больше всего.

«Знаете, моим подругам это очень понравилось! — улыбается Лори.— Представьте себе, одна из них даже сделала завивку, чтобы походить на меня!»

Отказавшись идти за модой, Лори одолела свою неуверенность и даже породила новую моду!

14-летний Дик Доннели из Техаса со вздохом признает, что неуверенность заставила его «потерять друга только из-за того, что он не был популярен в моей компании. Я боялся потерять собственную популярность, и мы перестали общаться».

Когда Дик понял, что потеря самоуважения и настоящего друга гораздо страшнее, дружба была восстановлена. Более того — ему даже удалось склонить к дружбе со своим другом всю компанию!

К несчастью, неуверенность может повлечь за собой куда более опасные симптомы такого приспособленчества, такие, как курение, употребление наркотиков и алкоголя,— «потому что это делают другие». Советник Подросткового реабилитационного центра Хэл Акерман говорит: «В основном сюда попадают из-за неуверенности. Свои реальные или воображаемые недостатки подростки компенсируют наркотиками и алкоголем».

Внимание: неуверенность в себе может повредить вашему здоровью!

Если вы «распускаете хвост»

Многие считают, что сами по себе они не представляют особого интереса. Поэтому они выдумывают или приукрашивают то, что на самом деле не так уж важно — например, свои знакомства или какие-то имеющиеся у них вещи.

Семнадцатилетней Джанет Рассел казалось, что друзей она сможет приобрести, только расхваливая плавательный бассейн, который построили ее родители во дворе их дома.

«Я хотела стать популярной за счет бассейна,— признается она.— Ведь далеко не каждый имеет свой бассейн! И я знала, что кто-нибудь обязательно захочет прийти ко мне поплавать».

Но Джанет было совсем не весело, когда люди, которых она едва знала, приходили к ней только для того, чтобы поплескаться. А в зимние месяцы ее так называемая «популярность» вообще пошла на убыль.

Сегодня Джанет предпочитает пла-

вать с несколькими настоящими друзьями, а не с пятью десятками фальшивых. И чувствует себя куда лучше — «Потому что они любят меня, а не мой бассейн».

А разве не встречались вам ребята и девушки, которые отчаянно врут по поводу своих мифических поклонников — знаменитых актрис или футболистов? «Мы провели потрясающий вечер в том баре на углу, а потом...» — далее следует многозначительное молчание. Будьте милосердны к таким людям — не требуйте доказательств этих роскошных романов, потому что их попросту нет. Таким образом эти люди пытаются произвести хорошее впечатление на окружающих, «преподнести» себя — потому что боятся, что иного способа заставить уважать себя у них нет. И часто они сами мучаются от этой лжи — и теряют самоуважение. Если же вы сами грешите подобными россказнями, то запомните: потеря самоуважения куда трагичнее, чем боязнь не заслужить уважение окружающих.

Ты — это Ты!

Хотели бы вы выглядеть, одеваться, шутить, вести себя, иметь то же, да просто быть КАК КТО-ТО ЕЩЕ? Вот еще один признак неуверенности: когда человек без конца стремится сравнивать себя с другими.

Не поддавайтесь такому стремлению! Ведь если вы сравниваете себя с другими, вы тем самым придаете другим большее значение, чем себе. Вы определяете собственную ценность лишь в сравнении с ценностью другого. А куда лучше и продуктивнее, если б вы оценивали себя, исходя из своих собственных способностей, интересов и целей.

Помните, что кому-то дано больше, чем вам, кому-то — меньше. Постоянно сравнивая, вы постоянно будете пребывать в недоумении — ведь стандарты меняются. Так что вы постоянно будете чувствовать себя неуверенно!

Почему не радоваться тому, что ты — это ТЫ? Самоуважение возможно только при понимании того, что каждый по-своему уникален. Только подумайте: нет двух похожих людей. Разве это не замечательно? Когда вы поймете собственное своеобразие, вы будете радоваться своеобразию других.

Не стоит самоуничижаться

Это свойственно многим подросткам. Да если задуматься, то разве в каждом из нас не полно недостатков? Но думали ли вы, что, без конца выискивая недостатки в себе, вы тем самым себя принижаете?

Говорить о себе уничижительно — верный признак неуверенности. Давайте проведем следующий тест. Вы когда-нибудь:

1. Отказывались выслушивать комплименты? — «О, это платье? Да это старье». Или: «Мне просто повезло, что я поступил».

Необязательные советы

2. Старались оправдаться, если хорошо выглядите? — «Да нет, все дело в фасоне».

3. Награждали себя обидными прозвищами? — «Пустая голова», «Ну и рожа!», «Коротышка».

4. Высказывали свое суждение в форме сомнения? — «Не так ли?» «Вы согласны?» или «Спросите у Лайзы, она тоже так думает».

5. Приписывали собственные заслуги другому? — «О, главное сделала Сью!»

6. Думали о себе негативно? — «Я никогда этого не сделаю!», «Я все испортил», «Я ненавижу себя», «Я неудачник», «Я растяпа», «Мне лучше уйти».

Каждый раз, когда вы так думаете, ваше чувство неуверенности усиливается. Вспоминайте свои победы, а не свои поражения! Спросите себя: «За кого я — за себя или против?»

Конечно, вы ЗА себя! Так долой негативные мысли и поступки! Всякий раз, когда вы заметите за собой что-нибудь из описанного выше, ОСТАНОВИТЕСЬ! Оглянитесь. И вернитесь на правильный путь: цените себя по достоинству!

Истоки неуверенности

Теперь вы знаете, как распознавать в себе неуверенность. Но откуда она берется? Неужели все это — от рождения?

Доктор Элизабет Колл считает, что веру в себя может подорвать какая-нибудь кризисная ситуация: смерть близких, развод родителей, серьезное оскорбление, болезнь или даже пожар: «Трагедии нельзя предвидеть или контролировать, поэтому рожденное ими чувство неуверенности столь неожиданно и драматично.

Уйти в себя и стать неуверенным может также тот, кто переживает внутренний кризис. А иногда сомневаться в себе нас заставляет общество. Одной из серьезных причин, рождающих неуверенность у подростков, может быть также отсутствие наставника или руководителя».

Может быть, у вас не все в порядке в школе, и вы решили, что не блещете умом? Не верьте этому! Вспомните историю замечательного киноактера Тома Круза.

Том Круз страдал дислексией — болезнью, которая ухудшает способность к чтению. Он не сдался, он работал над собой, не обращая внимания на мнение учителей,— и посмотрите, как сияет его звезда сегодня!

Избавляйтесь от сомнений в себе при первой же возможности! Помните об Альберте Эйнштейне: он ведь тоже проваливался на экзаменах!

Как избавиться от неуверенности

Теперь, когда вы знаете о неуверенности все, вот несколько советов, чтобы изменить ситуацию.

1. Определите свои положительные свойства. Каковы ваши лучшие качества? Что вам удается? Включите в этот список достижения, которыми вы гордитесь. Размышляйте об этом. Похлопывайте себя по плечу!

2. Установите свои собственные стандарты вместо того, чтобы сравнивать себя с другими.

Помните, что идеальных людей не бывает. Если вы будете предъявлять к себе сверхчеловеческие требования, вы быстро выдохнетесь. Поэтому расслабьтесь. Не будьте столь беспощадны к себе. Принимайте себя, как есть, и на этом стройте свою жизнь.

3. Выберите себе хобби. Найдите что-то, что радует вас и вызывает в вас чувство гордости.

4. Подбадривайте себя. Почаще говорите себе: «Я могу», «Это получится», «Сегодня у меня будет хороший день». Или: «В следующий раз у меня получится лучше». Так, поощряя себя, вы поднимете свое настроение.

5. Всегда принимайте комплименты. Не стесняйтесь их. Просто отвечайте искренним «спасибо». Даже если поначалу вам будет неловко, сделайте это полезной привычкой!

6. Ищите в других положительные качества. Попробуйте говорить что-нибудь приятное всем, с кем встречаетесь, неважно что. Если вы ищете хорошее, вы найдете его! И это заражает — другие тоже начнут видеть в вас хорошее.

7. Старайтесь окружать себя хорошими людьми. Знакомые и друзья влияют на наши мысли, чувства и поступки. Выбирайте таких друзей, которые, радуясь жизни, заставят радоваться и вас. Такие солнечные души испускают лучи вдохновения и уверенности.

8. Думайте о своем будущем в положительном ключе. Посвятите несколько минут тому, чтобы представить, как вы добиваетесь своих целей.

9. Держите голову выше. Шагайте прямо — спокойным и твердым шагом. Вы дадите знать миру (и себе), что с чувством собственного достоинства у вас все в порядке.

10. Улыбайтесь! Разве есть лучший способ сообщить другим, что вы счастливый, уравновешенный человек, которому есть что предложить окружающим?

Вашей наградой будет:

Гордость. Уверенность. Вера в себя. Умение решать проблемы. Независимость. Зрелость. И это далеко не все, что ожидает вас, когда вы распрощаетесь с неуверенностью.

Так вперед — примите вызов жизни с ее неоднозначными ситуациями! Вы удивитесь, как быстро придет к вам уверенность.

Посмотрите в зеркало — и вам понравится тот, кого вы там увидите.

Перевел с английского А. АНТИПЕНКО

Kylie
Minogue

K

«KROKUS», группа «Крокус» образовалась в 1974 г. в Швейцарии.

Исходный состав: Фредди Стеди, уд.; Йорг Наэгелли, клав.; Крис фон Рор, бас; Томми Кифер, гит., вок.; Фернандо фон Арб, гит., вок.

«К.» — самая известная хард-роковая группа Швейцарии, которая вышла на международный уровень благодаря, как это ни удивительно, успеху в Великобритании. Первые три альб. «К.» прошли незамеченными в Европе и имели лишь скромный успех на родине. Ситуация изменилась с приходом в группу вокалиста Марка Сторэйса, музыканта мальтийского происхождения, записавшего перед этим два альб. с джаз-роковой группой «Tea».

Этот момент стал поворотным в истории «К.» — именно тогда сформировался характерный саунд и стиль, весьма напоминающий «AC/DC». Четвертую пл. (первую, вышедшую в Англии), «Металлическое рандеву», продюсировал англичанин Мартин Пирсон, что также сыграло определенную роль: концерты «К.» проходили в британских залах на «ура», и таким образом швейцарские музыканты стали составной частью мощного течения «новой волны британского хэви метал-рока».

После записи следующей пл. из группы ушел Кифер, и на гастролях его заменял Мэнди Мэйер (настоящее имя — Армандо); позже он также покинул «К.» и сотрудничал с такими группами, как «Cobra» и «Asia».

В 1982 г. к «К.» присоединился гитарист Марк Колер, однако последние два альб. группы не вышли за рамки предыдущих работ и все усилия форсировать процесс оказались напрасными. Тогда квинтет принял решение переориентироваться на американский рынок. Меняется барабанщик — вместо Стеди группа пригласила американца Стива Пейса.

В Америке повторилась та же история, что и в Европе: диск «Охотник за головами» попал в хит-парады, однако особого успеха среди слушателей не имел. В конце 1983 г. фон Рор выходит из группы, и Колер берет на себя роль бас-гитариста, а на турне «К.» приглашают второго гитариста Патрика Мейсона.

Альбом «Блиц» по инерции еще выдержан в прежней «металлической» традиции, но в группе зрело желание повернуть в сторону более коммерческого звучания. Последовал ряд изменений состава, и обновленный «К.» наносит очередной удар по американскому рынку: альб. «Перемена адреса» проваливается по всем статьям, вопреки заложенному в него коммерческому заряду. Чтобы хоть как-то компенсировать неудачу, группа в конце 1986 года выпускает концертный альб. с записью своих классических «боевиков».

Перед записью последнего на данный момент диска происходят новые изменения состава, и альб. «Сердечный приступ» (1988) оказывается выполненным в прежней «крокусовской» манере, что не замедлило сказаться на реализации этой пл.

В 1988 г. отношения между музыкантами «К.» становятся все более сложными, и это приводит к серьезному расколу: после многочисленных попыток решить проблему «мирным путем» фон Рор остается в одиночестве и набирает новых музыкантов (которые принимали участие в его сольном проекте 1986 г.).

Пл.: Krokus, 1975; Play It In Metal, 1977; Painkiller, 1978; Metal Rendez-Vouz, 1979; Hardware, 1981; Once Vice At A Time, 1981; Headhunter, 1983; The Blitz, 1984; Change Of Address, 1986; Alive And Screaming, 1986 (Live LP); Heart Attack, 1988.

Изменения состава: 1979 — Наэгелли,+Марк Сторэйс, вок.; 1981 — Кифер,+Мэнди Мэйер, гит.; 1982 — Мэйер,+Марк Колер, гит.; 1983 — Стеди,— фон, Рор,+Стив Пейс, уд.; 1984— Пейс,+Патрик Мейсон, гит.,+Джефф Клейвен, уд.; 1985— Мейсон,+Томми Кайзер, бас; 1987— Кайзер,— Клейвен,+фон Рор+Дэни Кривелли, уд.; 1988 — Сторейс,— Колер,— фон Арб,— Кривелли,+Мэнди Маурер, гит.; 1989 — Питер Тэннер, вок.,+Пит Рэббит, уд.

Крис фон Рор, соло: Hammer And Tongue, 1986.

«KUBLAI KHAN», группа «Кублай-хан» (один из восточных императоров) образовалась в 1985 г. в США.

Состав: Грег Хэндевидт, гит., вок.; Джон Федде, уд.; Майкл Лиска, бас; Кевин Идсоу, гит.

Эта калифорнийская трэш-группа в 1987 г. наделала много шума в «металлическом андерграунде» своим — пока единственным — альб. «К-х.» была задумана как сольный проект Хэндевидта — эта личность широко известна в кругах любителей трэш-метал. Он входил в первый состав известной группы «Megadeth», участвовал в записи ее первого демо и именно его в 1984 г. сменил Керри Кинг (ныне играющий в «Slayer»).

По выходе из «Megadeth» Хэндевидт получил множество заманчивых предложений — в частности, его приглашали в группы «Dokken» и «Panther» — последнюю организовал Джефф Скотт Сото, будущий вокалист в группе Ингви Мальмстина. Однако Хэндевидт предпочел заниматься карьерой самостоятельно.

В 1986 г. его группа подписала контракт с фирмой «Shark Records», и спустя год вышел альб. «Аннигиляция». Эта пл. представляет собой прекрасный образец трэшевой продукции в духе «Металлики» и «Мегадет». К сожалению, после этого «К-х.» пропали из поля зрения, как это часто случается с молодыми группами, не очень удачно распорядившимися своим дебютом.

Пл.: Annihilation, 1987.

L

«LAAZ ROCKIT», группа «Лааз рокит» (это название ручного противотанкового орудия) образовалась в 1982 г. в США.

Исходный состав: Майкл Кунс, вок.; Аарон Джеллум, гит.; Фил Кеттнер, гит.; Вилли Ленджхузен, бас; Виктор Александр Агнелло, уд.

«Л.р.», как и большинство их коллег из Калифорнии, начинали с репетиций в подвалах и гаражах, записывали демо-тейпс весьма среднего качества. Однако за два года профессиональный уровень музыкантов вырос, и группа подписала контракт с независимой фирмой грамзаписи «Target Records».

Первый альб. вышел в 1984 г.; несмотря на то, что в США пл. успеха не имела, ее переиздали в ФРГ, где трэш-метал неизменно пользуется спросом. Второй диск вышел в ноябре 1985 г.— этот альб. также «проник» в Европу и получил отличные рецензии в муз. прессе.

В марте и апреле 1986 г. «Л.р.» провели европ. турне и получили приглашение принять участие в популярном фестивале, который ежегодно проводится на западноберлинском стадионе «Динамо». Однако барабанщик группы заявил о выходе из состава, и выступление пришлось отменить (оно состоялось лишь в 1988 г. перед 20-тысячной аудиторией). «Л.р.», уже связанные

РЭР вне очереди

ANNIHILATOR

Любителям научной фантастики хорошо известно слово «аннигилятор» — то, что уничтожает. Любителям рока понятно, что музыка группы с таким называнием наверняка отличается от произведений «Пет шоп бойз» и других создателей «попа».

Вы рассуждаете верно, канадский квинтет «Annihilator» играет бескомпромиссный трэш-метал и, надо сказать, делает это на высоком профессиональном уровне. Чтобы в этом убедиться, достаточно послушать дебютный альбом, который называется «Алиса в аду» (куда только не отправляли великие музыканты прошлого и настоящего героиню Льюиса Кэрролла, но в аду она пока не бывала).

Основал группу 24-летний гитарист и композитор Джефф Уотерс; кроме него, в «Аннигилятор» входят: Рэнди Рэмпейдж, вокал (одно время он был бас-гитаристом в группе «DOA»); Энтони Гринхэм, ритм-гитара (он пришел в группу после записи «Алисы»); Уэйн Дарли, бас, и Рэи Хартманн, ударные.

Хороший трэш нынче редкость, и притом, что групп, считающих, что играют в этом стиле, очень много, настоящих конкурентов у лидеров стиля — «Слэйер» пока не было. Но вот появился «Аннигилятор»... (Совсем недавно группу покинул вокалист и его место занял Коуберн Фарр, экс-«Omen».)

контрактом на запись очередного альб., принялись искать замену, но Агнелло все же остался в группе.

Альб. «Знай своего врага», по мнению специалистов,— лучший в дискографии «Л.р.». Пл. хорошо приняли не только в Европе, но и на родине музыкантов. Группа провела гастроли по США, выступая с «L.A.Guns», а затем отправилась в Европу, где работала с группой «Exodus».

На волне успеха группу покидает бас-гитарист (тем не менее он работал над записью альб. 1989 г.), и в настоящее время его место занял Джон Торрес.

Пл.: City's Gonna Burn, 1984; No Stranger To Danger, 1985; Know Your Enemy, 1987; Annihilation Principle, 1989.

Изменения состава: 1989 — Ленджхузен, + Джон Торрес, бас.

«L.A.GUNS» («Эл.Эй. ганз»), группа «Лос-анджелесские винтовки» образовалась в 1985 г. в США.

Исходный состав: Фил Льюис, вок.; Келли Никкелс, бас; Мик Криппс, гит., клав.; Трейси Ганз, гит.; Никки Александр, уд.

Основатель этого голливудского квинтета Трейси Ганз имеет самое непосредственное отношение к супергруппе наших дней «Guns N'Roses» — он был гитаристом в первом составе этой группы, и именно его фамилия увековечена в названии группы. Однако в начале 1985 г. он начал сольную карьеру.

Для новой группы он подбирал музыкантов с именем — сооснователь «Эл.Эй.г.» Мик Криппс, англичанин по происхождению, работал в таких англ. группах, как «Killer Elite» и «Faster Pussycat» (не путать с одноименной амер. группой!). Что же касается калифорнийской «Faster Pussycat», то из нее в «Эл.Эй.г.» пришел бас-гитарист Никкелс, начинавший свою карьеру в нью-йоркской группе «Angels in Vain». Однако самым удачным «приобретением» оказался вокалист Льюис: в начале 80-х гг. он был уже известен в Англии как участник глэм-группы «Girl».

Ставка на известных музыкантов оправдалась: «Эл.Эй.г.» получили удачный контракт с фирмой «PolyGram», и в 1988 г. появился дебютный альб. группы. За две недели пл. было реализована в количестве 100 тысяч экз. и без каких-либо турне поднялась до 65-го места хит-парада журнала «Биллборд». (После выхода альб. группу покинул барабанщик, и его место занял Стив Рили, ранее игравший в «W.A.S.P.»).

Зимой 1988 г. «Эл.Эй.г.» дали серию концертов в небольших клубах США и в качестве сопровождающей группы отправились в мировое турне, которое проводила «Iron Maiden». В ноябре 1988 г. турне завершилось концертами в Японии, и музыканты подвели итоги: дебютный альб. приобрел «золотой» статус в США, в Европе разошелся более чем миллионным тиражом, а сингл «Электрические цыгане» стал хитом года.

Музыка «Эл.Эй.г.» — типичный глэм-рок в его калифорнийском варианте. Принцип лидера группы Т. Ганза: допустимы любые смешения стилей, главное, чтобы не преобладал какой-то один.

ANNIHILATOR

• Рок-Энциклопедия Ровесника • Рок-Энциклопедия Ровесника •

Второй альб. группы, вышедший в августе 1989 г., сделан в более смягченной манере, муз. обозреватели отмечают мелодичность композиций. В пл. вошла композиция «Rock Candy», написанная 15 лет назад известной группой «Montrose», сегодня этот старый хит обрел второе рождение.

Пл.: L.A.Guns, 1988; Cocked And Loaded, 1989.

Изменения состава: 1989 — Александр, + Стив Рили, уд.

LAUPER, CYNDI, Синди Лопер, амер. певица, композитор. Родилась 20 июня 1953 г. в Нью-Йорке.

Начало музыкальной карьеры С.Л. в определенной степени напоминает судьбу Дженис Джоплин: увлечение пением с детства, художественная школа, развод родителей, бегство из дома. С.Л. успела застать коммуны хиппи и неизменный атрибут этих коммун — наркотики, но в отличие от Дженис Джоплин они не оказали на ее жизнь столь катастрофического влияния.

В 1974 г. С.Л. организовала группу «Blue Angel» («Голубой ангел»), которая выступала в небольших клубах, исполняя чужие вещи. Постепенно репертуар группы менялся, певица готовила собственный муз. материал, но все попытки получить контракт с фирмами грамзаписи оказывались безуспешными. Наконец в 1976 г. «Blue Angel» сумели привлечь внимание небольшой независимой фирмы и записали альб. Однако выход его несколько раз откладывался, и в конце концов фирма объявила, что аннулирует контракт.

С.Л. передала готовую фонограмму в крупную фирму «PolyGram», но в начале 1977 г. вследствие стресса, обусловленного хроническими неудачами, певица потеряла голос, и «PolyGram», в свою очередь, также решила отсрочить выпуск пл. С.Л. возбудила судебное дело, но в результате потеряла все свои сбережения. Это была уже не просто неудача, скорее — катастрофа.

Но воля и желание петь победили: с помощью известного муз. педагога Кэти Эгресты С.Л. восстановила — и улучшила — свои вокальные данные, в 1980 г. наконец вышел альб. ее группы (к тому времени уже давно распавшейся).

В 1984 г., через десять лет после основания «Голубого ангела», С.Л., на сей раз в качестве вокалистки, подписала контракт с фирмой «Portrait Records», и в том же году вышел ее первый сольный диск «Она такая необычная», пять композиций с которого вошли в Top 10 хит-парадов США и Великобритании, а песня «Time After Time» была в Америке первой. К началу 1985 г. пл. была уже трижды «платиновой».

Дальнейшая муз. карьера С.Л. была поистине головокружительной, все вышедшие после этого пл. также мгновенно становились «платиновыми», певица получила несколько предложений от кинорежиссеров и сейчас готовится к съемкам в худ. фильме. Сейчас С.Л. — живое свидетельство тому, что фраза «если вначале ты не преуспел, не вешай нос» иногда бывает справедливой, а то, что популярность С.Л. все же уступает бешеному успеху Мадонны, говорит скорее в пользу С.Л.: бывают «звезды» и для избранных, и качество такой «звезды», как правило, на порядок выше.

Пл.: She's So Unusual, 1984; True Colours, 1986; Kindred Spirit, 1988; A Night To Remember, 1989.

«LAW AND ORDER» («Ло энд ордер»), группа «Правопорядок» образовалась в 1987 г. в США.

Состав: Шон Кармоди, бас; Джей Дуглас (сценический псевдоним «Шейн»), вок.; Фил Аллокко, гит.; Роб Стил, уд.

Дебютный альб. этой группы из Мемфиса стал в прошлом году причиной жарких споров о грядущем буме блюз-рока. Некоторые муз. обозреватели называют «Л.э.о.» первой блюз-роковой группой Америки со времен «Lynyrd Skynyrd».

В отличие от большинства начинающих групп, которые через два года после своего образования могут похвастать разве что двумя десятками смененных названий и парой демо сомнительного качества, «Л.э.о.» начали с великолепного альбома и, судя по успеху этой работы, на достигнутом не остановятся.

Основал «Л.э.о.» бас-гитарист Шон Кармоди, до этого серьезно занимавшийся изучением музыки таких групп, как «Led Zeppelin», «Rolling Stones» и «Lynyrd Skynyrd». Однако даже по сравнению с 1987 г., когда «Л.э.о.» только образовались, музыка группы претерпела заметные изменения. Начинали музыканты с исполнения чужих вещей, причем за образец они взяли популярнейшую в США группу «Guns N'Roses», однако вскоре поняли, что подражание успеха не принесет, и стали разрабатывать собственную концепцию творчества.

Результатом этой работы и стал альбом «Guilty Of Innocence». Как сказал один англ. муз. обозреватель, «даже если группа больше не выпустит ни одной пл., они войдут в историю рока с одной этой». «Л.э.о.» действительно играют блюз-рок, однако по сравнению с теми же «Lynyrd Skynyrd» их саунд значительно жестче и тяжелее (вероятно, поэтому группа проходит по «металлическому ведомству»), а аранжировки можно было бы даже назвать извращенными. Такие композиции, как «We Don't See God», «Love Reality» и «Possession Of Control», свидетельствуют о зрелом композиторском и исполнительском мастерстве, что для дебюта — редкость.

Пл.: Guilty Of Innocense, 1989.

ЖЕЛЕЗНЫЕ МАСКИ

Музыканты американского квинтета «Crimson Glory» (что с большой натяжкой можно перевести либо как «Ореол в темно-красных тонах», либо «Слава, от которой пылают щеки», кому как больше нравится) утверждают, что профессионально работают в «большом роке» с 1981 года. Трудно сказать, что такое «большой рок», но что такое профессиональная работа — более или менее известно, и потому невозможно представить, чтобы люди, которым в 1981 году было по 12—13 лет, могли где бы то ни было «работать профессионально». Но оставим придирки, пусть будет так, как им хочется, в конце концов, может быть, это преждевременно развившийся «отцовский синдром» (есть ведь отцы, которые в ответ на заявления своих зарвавшихся чад неизменно отвечают: «Я в твои годы...» — далее следует перечень славных деяний. Так что будущие дети этих пятерых молодых людей заранее обеспечены версией о деятельности отцов «в их годы». Отцы были рок-музыкантами — чем плохо?).

Но, что бы они ни говорили, известно следующее: американская группа «Кримзон глори» образовалась во Флориде в 1985 году. А в конце 1986 года уже выпустила свой дебютный альбом, который назывался, естественно, «Кримзон глори». Пластинка имела бурный успех, и с тех пор этот квинтет котируется у любителей хард-энд-хэви столь же высоко, как и чрезвычайно популярная у нас группа из Сиэтла «Queensryche» («Куинсрич»).

Если быть до конца объективным, то надо признать, что популярность пришла к «Кримзон глори» еще до выхода альбома: даже самые первые демо-тейп были настолько безукоризненными, что расходились на черном рынке (в Америке тоже такой есть) наряду с редкими «пиратскими» пластинками известных групп. Так что публика узнала «Кримзон глори» задолго до выхода дебютного альбома.

Как и положено, к новой группе мгновенно прилепили товарный ярлык: «мистический металл». Для такого торжественного (хоть и расплывчатого) определения вполне хватило мрачных, но мелодичных композиций, а их тексты, по сравнению, например, с песенными откровениями «Бон Джови», показались критикам не лишенными приятной таинственности.

Альбом побывал во всех «металлических» хит-парадах, «Кримзон глори» начала выезжать с концертами — до этого группа не очень жаловала поклонников выступлениями, а если когда и выбирались на гастроли, то только под другим названием (таких «концертных» псевдонимов у квинтета было два — «Pierced Arrow» и «Beowolf»). Если учесть, что на сцене музыканты неизменно работают в серебристых масках — не в гриме, как «Кисс» (раньше) или Кинг Даймонд (сейчас), а именно в настоящих металлических масках, как небезызвестный персонаж романа Александра Дюма,— то становится понятно, что проблем с «бременем славы» у них не было. По крайней мере, в отличие от многих других они могут дышать воздухом в любом интересном для них, а не для их службы безопасности, месте. Что положительно сказывается, как говорят, музыканты, и на «мистичности» имиджа, и на здоровье.

Успех дебюта позволял предполагать, что, в соответствии с правилами шоу-бизнеса, группа будет этот успех закреплять, развивать, короче — делать все, чтобы название «Кримзон глори» поклонники повторяли как можно чаще. Для этого требовалось только одно: выпустить следующий диск, потом еще и тянуть этот воз, как тянут его все остальные молодые и честолюбивые.

Однако группа отвергла известную формулу и следующую пластинку выпустила только в марте 1988 года, к тому же это был не полноценный «большой» диск, а всего лишь макси-сингл «Dream Dancer» («Танцор в стране грез»). В музыкальном плане эта работа мало чем отличалась от дебютного альбома, но в текстах начала прослеживаться тенденция к «воспеванию великого и вечного», которая обрела законченный вид в альбоме того же года «Transcendence» («Превосходство»). Как говорят музыканты, «наши композиции можно слушать в любом настроении, мы пытаемся сказать слушателю, что, помимо его сиюминутных эмоций, существуют могучие силы Природы, которые — если ими правильно распорядиться — помогут человеку обрести мир в душе и гармонию с миром окружающим. Это что-то вроде новой религии, только тот Бог, которого предлагаем мы, не делит людей на христиан и мусульман, буддистов и иудаистов и, конечно же, его ценности — абсолютные, из-за них никому не придется воевать друг с другом».

Вообще-то это прекрасно, но что, если кто-то не понял? «Тогда ему останется музыка, в конце концов, от нее тоже можно получать удовольствие».

Такие вот непростые юноши.

Судя по первому перерыву между альбомами, нового диска следует ждать осенью. Не исключено, что он может появиться и раньше — как вы понимаете, в повествование о «загадочной группе «Кримзон глори» эта пластинка уже не попадает. Но вдруг он окажется великолепным до умопомрачения? Тогда мы обязательно посвятим «Кримзон глори» большую статью. А пока послушайте музыку, которую пишут и исполняют — на фотографии вверху: Миднайт, вокал, нижний ряд слева направо: Дана Бернелл, ударные, Бен Джексон, ритм-гитара, Джон Дреннинг, соло-гитара, и Джеф Лордс, бас.

С. КАСТАЛЬСКИЙ

МИР РЕКОРДСМЕНОВ

Алексей
ПОЛИКОВСКИЙ

В этой книге есть все: и самый высокий дом, и самый большой медведь, и самая старая бактерия, и самый первый поезд, и старейшая в мире газета, и самая длинная многоножка, обитающая на Андаманских островах. Все обо всем, но главное, конечно,— человек. Его рекорды и достижения, его любимцы и шуты — главные герои книги. Человек предстает на белых просторных страницах этого тяжелого тома в белой глянцевой обложке во всей своей красоте, во всей своей силе и прелести. Вот Мадонна с ярко накрашенным красным ртом и родинкой над верхней губой — ее пластинка «True Blue» стала самой популярной в двадцати восьми странах; вот Майк Тайсон с коротко стриженной головой, с расплющенным носом боксера, ставший чемпионом мира в тяжелом весе в возрасте двадцати лет; вот Диана Уитт, самая длинноволосая женщина на нашей планете, последний раз она стриглась пятнадцать лет назад, длина ее волос сегодня составляет 259 сантиметров; и вот, наконец, торжественно вступает в круг знаменитостей и чемпионов, украшающих человеческую породу, скромный, застенчивый, аккуратный золотоволосый джентльмен Джей Гуолтни в белом смокинге и при бабочке. Чем прославился этот тихий, похожий на херувима американец? Он съел березовое дерево длиной 3,35 метра и диаметром 12 сантиметров. Зачем он его съел? О, это очень сложный вопрос — пытаясь ответить на него, мы вступаем на зыбкую почву психологии, философии, предположений, сомнений. Книга, которую мы листаем, не дает ответов на вопросы, лежащие в основе человеческого бытия. Она только скромно и неприхотливо сообщает факты: Джей Гуолтни съел... Дэниел Гудвин залез... Анри Ла Мот прыгнул... а Тим Бенкер шутил 48 часов 30 минут подряд.

Итак, впервые в нашей стране издана «Книга рекордов Гиннесса». Том в 350 страниц стоит 20 рублей, но цена не остановила читателей: видел ли кто-нибудь эту книгу лежащей на прилавке? Вряд ли. Изголодавшаяся по книгам публика слизнула ее с прилавка, как медведь слизывает языком щепотку соли: раз — и нету! Но не только в книжном дефиците дело. В иных странах, где книг издается достаточно, «Книга рекордов Гиннесса» раскупается так же бурно, как и у нас. Впервые выйдя в свет в августе 1955 года, она уверенно захватила первое место в списке бестселлеров и держит его до сих пор, без труда опережая книги нобелевских лауреатов. Она не поражает литературным мастерством или глубиной идей — в данном жанре это лишнее. Но зато она поражает количеством сведений о человеке. Это просто-таки гигантская груда фактов и фактиков из всех областей человеческой жизни, небрежно рассортированных по нескольким большим разделам — «Человек», «Мир человека», «Достижения человека», «Спорт, игры, отдых» и т. д. Что делать читателю с этой уймой сведений, как ему быть со ста тридцатью тысячами рекордов, которые неустанное человечество установило за последние тридцать лет, а усердный «Гиннесс» зафиксировал? Эта книга ужасна. В нее прыгаешь, как в бездонную пропасть, в нее влипаешь без цели и смысла, как в какое-то безразмерное вечное болото, каждый квадратный сантиметр которого — это рекорд! рекорд! еще рекорд! Ее можно читать хоть с пятой страницы, а хоть со сто пятой, потому что в ней нет ни начала, ни конца. И тем она похожа на своего героя — на человека. Нет начала и конца у человеческого тщеславия, заставляющего досточтимого Роберта Херда 4 часа 21 минуту и 1 секунду (о, британская точность!) ездить на велосипеде, опирающемся на землю одним задним колесом; нет начала и конца у человеческого любопытства, заставляющего нас, раскрыв рот, гулять по кунсткамерам всего мира, глазеть в зоопарке на жирафа и — читать «Книгу рекордов Гиннесса», идея которой принадлежит гениальному сэру Хью Биверу, как-то раз в ноябре 1951 года, промахнувшемуся на охоте по золотистой ржанке и глубоко задумавшемуся над вопросом: «Какая птица из всей охотничьей дичи самая быстрая? Ржанка, по которой я промазал? Или тетерев, по которому мне случалось промазывать раньше!?»

«Человек — это звучит гордо!» — провозгласил классик, и мысль эта, похоже, вольно или невольно впечаталась в наши мозги. Иначе откуда же наше самоуважение, откуда та серьезность, с которой мы оцениваем самих себя и свой труд? «ЧЕЛОВЕК, высшая ступень живых организмов на Земле»,— льстиво подсказывает нам Философский энциклопедический словарь, и у нас (у многих из нас) эти слова не вызывают протеста: ну, ясно, высшая... какая же еще? «Книга рекордов Гиннесса» на первый взгляд подтверждает эту веру. В ней действительно есть многое, чем человечество может гордиться, многое, что свидетельствует о логике нашего ума и творческой силе души.

Но главное в «Книге» другое. Эти **другие факты**, как правило, вызывают у нас легкую улыбку; речь идет о рекордах, похожих на детские шалости (но совершают их взрослые дяди и тети). Шалости эти характеризуют человека и человечество не менее, чем изобретенные им мощные ракеты, лазеры и локомотивы. Да, мы посылаем ракеты в космос — и в присутствии многочисленной публики плюем вдаль, выбирая баллистически верную траекторию для собственной слюны. Вот Гарольд Филден, рекордсмен, которому удалось плюнуть на 10 метров 36 сантиметров. Непростое дело! «Расстояние зависит от качества слюнотечения, отсутствия бокового ветра, умения устанавливать щель шириной в два пальца, а также координации прогиба назад и резкого движения шеи»,— предусмотрительно сообщает нам «Книга», не без оснований предполагая, что среди нас найдется не один желающий вступить с Филденом в острую спортивную борьбу. Слава зовет!

«Книга рекордов Гиннесса» может показаться сборником курьезов, но курьезы, сконцентрированные в таких количествах, взывают к философии и подрывают кое-какие истины, которые с важным видом и непроницаемой серьезностью на лицах изрекают нам ученые и мыслители. «СВОБОДА,— объявляет все тот же Философский энциклопедический словарь, объемом и весом не уступающий «Книге рекордов»,— способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости». Полно, так ли это? Какая объективная необходимость заставляла Эрдэна

Чапмана из Университета северо-восточной Луизианы тратить дни и недели своей единственной жизни на то, чтобы скакать по лужайке и ртом ловить виноградины, которые бросали ему его друзья? В итоге он довел себя до того, что поймал виноградинку, брошенную с расстояния 97,43 метра — мировой рекорд! Является ли установление мирового рекорда в ловле винограда ртом или бросании резиновых сапог объективной необходимостью? Достаточно час-другой почитать «Книгу рекордов Гиннесса», где собраны сотни подобных случаев, чтобы убедиться в том, что Философский словарь выдает желаемое за действительное. И страница за страницей, строчка за строчкой доказывают нам, что человеку плевать на объективную необходимость, что человек — ради свободы делать то, что взбрело ему в голову,— отдаст деньги и время, рискнет здоровьем и даже жизнью, выставит себя на посмешище и сам посмеется над собой — но осуществит свой каприз!

Человеком владеет страсть к бессмысленному знанию. Эту страсть уже на первой странице «Мертвых душ» изобразил нам бессмертный Гоголь, вложив в уста двух русских мужиков примечательный диалог: «Вишь ты,— сказал один другому,— вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет»,— отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет»,— отвечал другой. «Книга рекордов Гиннесса» доказывает нам, что подобные мужики водятся не только в России. Японец Хидеаки Томойори высчитал число «пи» до 40-тысячного знака — и выучил его наизусть. Снова улыбка раздвигает наши губы: «Вот чудак! Бывают же люди!» Но дело в том, что все эти люди, выучивающие число «пи» до 40-тысячного знака, устанавливающие на одной костяшке домино 242 других, часами пускающие табачные кольца в воздух (рекорд — 355 колец от одной затяжки), лишь размахом своей деятельности и всемирным успехом отличаются от нас, тихо развлекающихся на досуге. Мы, обыкновенные люди, любим собирать марки, решать кроссворды, коллекционировать банки из-под пива и выкладывать из зернышек портреты вождей Мао Цзэдуна, Сталина и Пол Пота. Мы любим что-нибудь почитать **просто так.** Само то, что к 1987 году 57 миллионов человек купили «Книгу рекордов Гиннесса», свидетельствует об этом. И вот мы, раскрыв этот солидный том, задумчиво спрашиваем себя: «А что, может человек за две минуты съесть семнадцать бананов?» — и, не жалея сил, ищем ответ. Зачем он нам? Неизвестно. Известно лишь — ну хочется, ну очень хочется это знать! И вот тут непритязательно-развлекательная «Книга рекордов Гиннесса» каким-то странным образом выводит нас в многомерное, зыбкое пространство философии и морали, в котором блуждали герои Достоевского, в котором туман сомнения облипает любой ответ. В странных рекордах «Книги Гиннесса» отражается человек, которому нужны не столько гарантированная выгода и знания, приносящие пользу, сколько бессмысленная, глупая, иногда сопряженная с риском свобода. Пусть даже это свобода печь самые большие в мире блины или летать через Атлантический океан, стоя на крыле самолета (как это сделал чех Яромир Вагнер). Зачем — на крыле? Ведь можно — удобно, в кресле. Но человеку хочется именно на крыле, и он летит на крыле, рискуя свалиться в воду и сломать себе шею: так интересно! так хорошо! так в душе возникает чувство победы и счастья!

Но вот мы вступаем в область, где царят убийцы. Рекордсмены среди убийц! Человек («высшая ступень живых организмов на Земле») есть существо, много и с удовольствием убивающее себе подобных. Подобный вывод так и просится на язык, после того, как найдешь и прочтешь главку «Преступления» в разделе «Мир человека». Способы и побудительные причины убийств, о которых рассказано на этих страницах, столь многообразны, что читателя берет оторопь: «Господи, что же мы такое? И неужели мы все такие?» — «Нет, не все»,— сухо и сдержанно, как и положено справочнику, отвечает «Книга» и сообщает нам, что на Земле есть три места, где человека отчего-то не тянет убивать. На Мальдивских островах уровень убийств равен 0, в индийском штате Сикким убийство практически неизвестно, а в одном из городов Кашмира с 1900 года зафиксирован всего один случай убийства. Это — оазисы.

Во всем остальном мире человек убивает день и ночь, направо и налево, год за годом и век за веком. Цифры, выражающие масштаб убийств, часто бывает так же трудно воспринять разумом, как и цифры, выражающие мощность ракетного двигателя. Тысячи лошадиных сил, миллионы трупов — это что-то запредельное, не укладывающееся в человеческий мозг. Убийцы-рекордсмены, судя по «Книге рекордов Гиннесса», все те же: Мао Цзэдун (26 300 000 китайцев в период с 1949 по 1965-й), Сталин (по данным Солженицына, с октября 1917 по 1959-й при Ленине, Сталине и Хрущеве погибло 66 700 000 человек), Гитлер (число жертв геноцида — 5 800 000 человек), Пол Пот (две трети восьмимиллионного народа). Господи, каким неумелым, допотопным кустарем представляется нам по сравнению с ними какой-нибудь Деннис Эндрю Нилсен, в 1978—1983 годах терроризировавший Великобританию и совершивший пятнадцать убийств!

Можно ограничиться простой констатацией немудреного факта: Нилсен, как мастер убийств, в подметки не годится Мао Цзэдуну и Пол Поту. А можно шагнуть чуть дальше и спросить: «Почему?» О, какие тогда философские джунгли откроются перед нами, какие ответы забрезжат в туманной дали! Ведь убийца Нилсен действовал из откровенно злых побуждений и на суде не отрицал этого; им и ему подобными движут страсть к обогащению, сила сексуального инстинкта, ненависть к людям. Но гораздо опаснее ненависти оказывается абстрактная любовь к человечеству, мужественная решимость раз и навсегда устроить жизнь людей на правильных основаниях социальной геометрии и общественной арифметики...

Что есть человек? Этот вопрос уже тысячи лет мучает мудрецов всех стран и народов. И не только мудрецов. Рано или поздно, глянув себе в душу или окинув жизнь окрест, мы спрашиваем об этом себя и, не в силах ответить, обращаемся к тем книгам, в которых издавна принято находить глубокие мысли о человеке и смысле его существования. Насупив седые кустистые брови, смотрит на нас с суперобложек своих книг Лев Николаевич Толстой, всю жизнь мучившийся этими вопросами; запутанные, мучительные, больные книги Достоевского ждут нас. И — Библия... Но разве только на проторенных путях ждут нас ответы? Разве не бывает случайных озарений, подобных тому, какое случилось у Ньютона, сидящего под яблоней? «Книга рекордов Гиннесса», переполненная фактами и фактиками, касающимися человека, вполне способна сыграть роль того божественного яблока, что ударяется в лоб и вышибает искры из глаз и мысль из полусонного, равнодушного мозга. Что есть человек? Зачем он делает то, что делает? Зачем ему устанавливать рекорды обжорства, когда в мире есть места, где детям нечего есть? Почему он вообще так пламенно и нежно любит устанавливать рекорды и читать о них: самый большой в мире башмак... самая сильная лошадь.... самое большое расстояние, на которое людям удавалось перетащить кровать (5204 километра — команда из девяти человек, служащих в «Брунтшфилд беддинг сентр»)? Ответа нет.

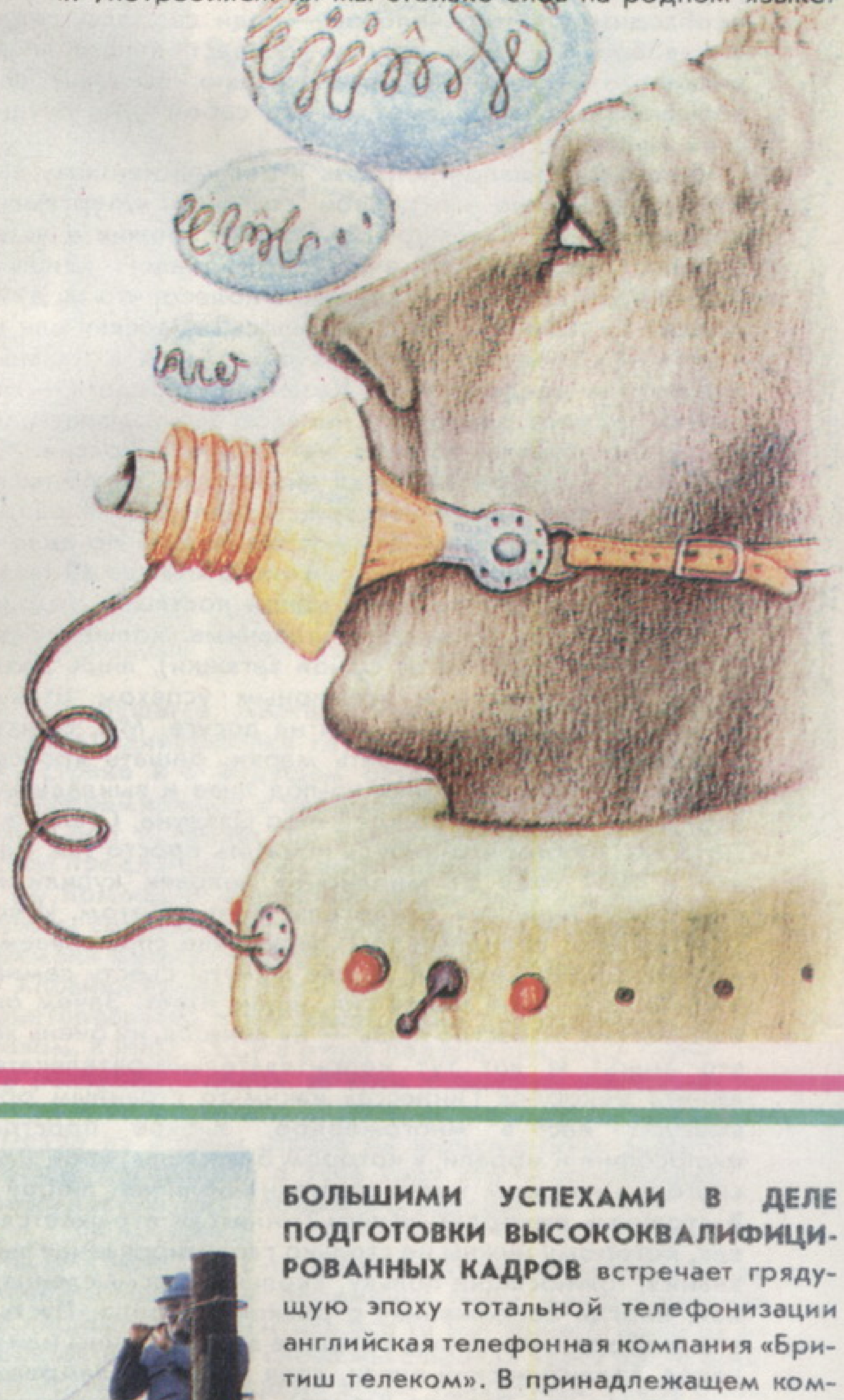
В определениях человека, которые дают нам классики литературы и философские словари, часто чувствуется некоторая односторонность и предвзятость, проистекающие из преданности идее. Мысль мечется между двух полюсов. Полюс первый: мы — венец творения! Полюс второй: мы — ничтожество, достойное презрения! («Всего лишь человечество»,— как выразился однажды Ницше.) Кто прав? Неизвестно. Умы посильнее наших надорвались, пытаясь поднять этот груз. Мы же, листая «Книгу рекордов Гиннесса», улыбнемся, удивимся — и скажем, не претендуя на философскую глубину и научную точность: «Человек... что ж, человек — это такое существо, которое посылает ракеты в космос, строит над заливами мосты, демонстрирует мужество души и силу ума — и прыгает часами на одной ножке, мечет скалку, 431 день подряд сидит на дереве и державной поступью входит в зал славы, выдув из жевательной резинки самый большой в мире пузырь!»

ДЛИННЫМИ ОЧЕРЕДЯМИ МОСКВИЧИ И ГОСТИ СТОЛИЦЫ ежедневно отмечают историческое событие: к нам явилась закусочная «Макдональдс» со своими гамбургерами. Но какова история самой булочки с рубленым бифштексом, салатом, луком, соусом и пр.?

Официальная дата рождения — 1904 год. Всемирная ярмарка в Сент-Луисе. Но в штате Вашингтон гамбургер известен с 1889 года. Почему «гамбургер» — понятно, в том районе жили переселенцы из Гамбурга, но интересно другое: в самой первой рекламе гамбургер определялся как «сэндвич с рубленым мясом». И раз мы углубились в историю, то мало кто знает, откуда взялось слово «сэндвич». Это блюдо, состоящее из холодного ростбифа, помещенного между двумя кусочками поджаренного хлеба, изобрел в 1770 году Джон Монтегю, четвертый граф Сэндвичский (граф был настолько страстным игроком, что не любил отрываться от карточного стола даже для приема пищи). Еще один не столь уж известный факт: в Америке гамбургер — одно из самых дешевых блюд, чего не могут сказать посетители московского «Макдональдса»...

СКОЛЬКО СЛОВ НЕОБХОДИМО НАМ ДЛЯ ОБЩЕНИЯ, чтобы, с одной стороны, не стать новым вариантом «людоедки Эллочки», а с другой, не впасть в заумь и остаться понятным нашим ближним? Пять тысяч, десять, а может, сто тысяч? И какие это должны быть слова? Проанализировав 25 миллионов слов и сочетаний, итальянские ученые отобрали наиболее часто встречающиеся 10 тысяч и составили электронный словарь родного (то есть итальянского) языка. Правда, в этот «основной фонд» не входят грамматические формы, а также однокоренные слова, которые вместе с основными 10 тысячами и составили как бы словарь-минимум среднего человека. Интересно проверить себя: употребляем ли мы столько слов на родном языке?

БОЛЬШИМИ УСПЕХАМИ В ДЕЛЕ ПОДГОТОВКИ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ КАДРОВ встречает грядущую эпоху тотальной телефонизации английская телефонная компания «Бритиш телеком». В принадлежащем компании учебном центре Блетчли-парк будущие инженеры-связисты овладевают практическими навыками на самом высоком уровне.

Умение быстро карабкаться наверх и сохранять работоспособность независимо от высоты достигнутого положения — верный путь к головокружительной карьере.

Только много ли сохранилось сегодня столбов? А английские телефонисты (вот он, консерватизм-то!) все равно проходят практику, сидя на столбах. Да так высоко, что снять их крупным планом не удалось.

МЫ, НАКОНЕЦ, ПРИЗНАЛИ, ЧТО СПОРТ — ЭТО ПРОФЕССИЯ, и профессиональный спортсмен должен получать соответствующее вознаграждение за свой труд. Однако проблемы остаются — даже в тех странах, где этот факт давно признан. Новая звезда тенниса, четырнадцатилетняя американка Дженнифер Каприати, испытывает определенные неудобства в школе: оказалось, в месяц она зарабатывает столько же, сколько ее преподаватели за год. И спасает Дженнифер от довольно пристрастного отношения только хорошая учеба, что, естественно, требует больших усилий — ведь ей часто приходится ездить на соревнования. Но Дженнифер привыкла к нагрузкам: она тренируется с четырех лет!

ЧИСТОТА И ДЕМОКРАТИЯ — вещи несовместимые? Безусловно, это тема для серьезного исследования, но английские журналисты, взглянувшие под этим углом на Сингапур, пришли именно к такому выводу. Драконовские штрафы за нарушения чистоты и порядка превратили Сингапур в самый чистый город региона (существует даже специальное подразделение полиции, которое следит за тем, чтобы граждане не смели плевать на тротуар). Чистота, конечно, дело хорошее, однако в Сингапуре столь же неукоснительно соблюдается и «политическая стерильность»: любой усомнившийся в действиях правительства, будь он хоть член парламента, подвергается огромным штрафам, а то и тюремному заключению...

«КИНГ» — НАЗВАНИЕ НОВОГО ПОСТАВЛЕННОГО НА ЛОНДОНСКОЙ СЦЕНЕ МЮЗИКЛА, рассказывающего о жизни Мартина Лютера Кинга.

Семь месяцев, отказавшись от выгодных контрактов с лучшими театрами мира, работал знаменитый оперный певец Саймон Эстес над образом великого соотечественника. Для Саймона Эстеса, шахтерского сына и внука проданного за сотню долларов черного раба, расизм и дискриминация — не просто тема спектакля, а опыт собственной жизни.

Очевидно, этим и можно объяснить успех мюзикла, не забывая, разумеется, природный талант и великолепный голос певца.

ИЗВЕСТНО, ЧТО ВЕЛОСИПЕД — неизменный спутник жителей Скандинавских стран. Но мода на них давно уже перебралась и на юг Европы: в одном только Милане, например, по улицам ежедневно бегают более двухсот тысяч двухколесных друзей природы и человека. Поэтому итальянские техники и дизайнеры создают все новые и новые их варианты — для города и для сельской местности, для деловых людей и для домохозяек, для «лихачей» и для людей основательных. Велосипеды на все вкусы и с учетом любого темперамента: ведь ни для кого не секрет, что за велосипедами — будущее!

Рисунок Александра КОЛОМАЦКОГО

Хорди СЬЕРРА-И-ФАБРА,
испанский писатель

В углу круга

Приключенческая повесть

I

Так уж я устроен, что сон для меня — дело святое. Лишь часам к десяти утра я обретаю способность воспринимать мир как он есть. Поэтому настойчивый звонок в дверь, раздавшийся в половине девятого, был для меня словно удар в самое сердце.

Звонок верещал не переставая, а это означало, что тот, кто давил на кнопку, был отлично осведомлен о том, что я — дома. Скорее всего потому, что моя малолитражка была припаркована у самого подъезда: накануне вечером я вернулся из командировки, сэкономив денек — я сочинил статью еще в гостинице, перед тем, как отправился домой. Так что в этот, звонком начавшийся, день я намеревался хорошенько отдохнуть. К тому же я не обязан каждый день торчать в редакции.

Открыв дверь, я сразу понял, что уж коль утро началось так скверно, то до самого вечера ничего хорошего ждать не приходится.

— Привет, Рос,— ухмыльнулся тот, кто стоял поближе.

Инспектор Альфонсо Менендес был из тех, кто, по-видимому, не испытывает никакой нужды в шее: его голова была насажена прямиком на плечи. Может, оно и к лучшему — он был такого роста, что наставлять еще сантиметров десять природа просто не решилась. Это обстоятельство позволяло ему взирать на всех своими поросячьими невыразительными глазками исключительно сверху вниз.

Сзади притулился Эутикио Сола, тоже инспектор, но совершенно неспособный к самостоятельной работе и потому состоявший при Менендесе как бы порученцем. Сола всегда напоминал мне пробку: в какой бы бурной струе он ни очутился, его всегда будет нести по поверхности, а в каком направлении — уже неважно.

— Вы что, не знаете, который час? Потрудитесь объяснить, сеньор Менендес, что происходит.

— Одевайтесь и следуйте за нами!

Не понравился мне его тон — не приказной даже, а откровенно угрожающий. Менендес, сволочь, был из тех, кто служил еще в секретной полиции Франко.

— Может, случилось что с Пако?.. С инспектором Мунтане? — я сделал вид, что пропустил мимо ушей его хамский выпад.

— А почему с ним должно что-то случиться? — Развернувшись всем корпусом, Менендес обращался уже не ко мне, а к своему напарнику.— Видал, Эутикио? Тут же заговорил о Мунтане. Ох, неспроста это все, верно?

Пако Мунтане был моим лучшим другом, и между ним и его коллегой Альфонсо Менендесом лежала такая же пропасть, как между образом жизни черных и белых в ЮАР. Пако был человеком новой формации, его приверженность демократии вызывала такую дикую злобу среди «стариков», что в один далеко не прекрасный день все могло кончиться выстрелом в спину в каком-нибудь глухом закоулке. А с Менендесом я уже раза два-три сталкивался по делам службы и успел понять, что он крайне опасен и к тому же осмотрителен — бьет только наверняка.

— Послушайте, Менендес,— я призвал на помощь все самообладание.— Почему б вам не объяснить, зачем вы явились?

— Я уже сказал: собирайтесь и следуйте за нами.

— В каком качестве, интересно знать?

— На первых порах — как свидетель. А там посмотрим.

Терпению моему наступил предел:

— Можете делать все, что заблагорассудится! Я никуда не пойду. Я только ночью вернулся из командировки.

Видимо, было в моем голосе что-то такое, что заставило его изменить тон разговора.

— Известен ли вам некий Хавьер Мора Антич?

Тут я, признаться, растерялся — никак не ожидал такого вопроса.

— Хави?.. Ну да, конечно. Это мой старый друг.

— Это нам и самим прекрасно известно,— заметил Менендес.

И тут оба полицейских уперлись в меня взглядами, тща-

тельно демонстрируя пристальный интерес к моей персоне и к тому, как я на это отреагирую. (В моих детективных романах такой взгляд появляется обычно в самом конце, когда главный герой наконец-то выходит на преступника.)

— И что дальше? — спросил я.

— А то, Рос, что кто-то всадил вашему приятелю пулю. В самое сердце.— Менендес со смаком, с расстановкой выговаривал теперь каждое слово.— Интересную тему мы вам подбросили, а?

II

Обыкновенно полиция весьма осмотрительно ведет себя с журналистами, да и мы стараемся не портить с ней отношения. Мы обречены на постоянное общение и потому относимся друг к другу с профессиональным пиететом... Ну и с некоторой долей опаски. Вот почему меня так озадачило вызывающее поведение Менендеса и Солы: такое возможно только, если... если... Боже, о чем вообще я думаю?

Хави мертв!

Оделся я как по тревоге. Полицейские, облаченные в добротные костюмы, удостоили мои джинсы и линялую ковбойку снисходительными взглядами. Я долго возился с замком — руки никак не хотели слушаться. Наконец, заперев дверь, задал Менендесу тот же вопрос:

— А все-таки, почему я должен идти с вами?

— Желательно, чтобы вы глянули на него в нашем присутствии.

Господи, сколько же лет мы с Хави не виделись, и вот...

Менендес и Сола пригласили меня в свой автомобиль. Я уж было подумал, что они намереваются о чем-то расспросить меня в машине, но ошибся: за шесть-семь минут, что мы потратили на дорогу, инспекторы не проронили ни слова. Только под самый конец Менендес словно невзначай припомнил:

— Вы, Рос, кажется, что-то говорили насчет поездки?..

— Я два дня провел в Бильбао. Вернулся около одиннадцати ночи. Точно сказать не могу.

— А зачем, собственно, вам понадобилось ездить в Бильбао?

Я не намеревался выкладывать Менендесу всю правду. Дело в том, что я отпросился у шефа в командировку, чтобы собрать кое-какие материалы для своего очередного детективного романа. Шеф об этой моей деятельности не подозревал — об этом не знал никто, кроме Пако и моего издателя. Я публикую свои романы только под псевдонимом — «Хорди Сьерра-и-Фабра». Между прочим, шеф раза два давал мне их почитать!

Расследование в Бильбао только начиналось, и тамошние коллеги-журналисты взялись устроить мне несколько встреч с людьми, связанными с наркомафией. Может быть, я бы и не поехал в Бильбао, но мне позарез нужно было окунуться в атмосферу подпольного бизнеса — в голове уже сложился план очередного романа и упускать предоставившуюся возможность было бы глупо. Так что Менендесу я ответил общей фразой:

— Вы же знаете, газете что ни день подавай сенсацию.

— Да ладно вам темнить,— вмешался Сола.— Наверняка решили пронюхать, что там еще замышляют баскские сепаратисты.

— А ведь вы в точку попали,— ответил я, изобразив крайнее удивление.— Но скажите, как вы об этом узнали?

— Служба у нас такая,— подвел итог Менендес. Помоему, он тоже читал мои детективы...

Стоило нам войти в дом, как с меня мигом слетел защитный слой ироничности. Я ведь не знал, что Хави вернулся в Барселону и что поселился здесь, в двух шагах от моего дома. Даже весточки о себе не подал, а ведь сколько лет мы были неразлучны...

Квартира Хави находилась на последнем этаже. На лестничную площадку выходили две двери. Одна из них — металлическая — видимо, вела к механизму лифта или к пожарной лестнице. Другая — левая — была открыта настежь.

В небольшой гостиной еще сохранились следы отчаянной схватки — опрокинутые стол и стулья, выпотрошенный шкаф, на полу, вперемешку с пластинками и видеокассетами, валялись книги. Хави никогда не стремился к особому комфорту. Новейшая радиоаппаратура, пара телевизоров, три-четыре «видео» — вот что он считал предметами первой необходимости, без этого он действительно не мог обходиться. Плюс коллекция тысяч в шесть пластинок да коллекция видеокассет — все это кочевало с ним повсюду. Музыка составляла единственную, подлинную страсть Хави. День, прожитый без нее, он считал вычеркнутым из бытия.

Хави лежал на спине, уставившись лицом в потолок. Он был одет, словно только вернулся с улицы или собрался куда-то идти. На груди расплылось темно-бурое пятно, правая рука была откинута.

Окровавленная эта рука касалась трех букв, ровно выписанных на паркете.

Три буквы.

Вот он, ответ на вопрос, какого черта я здесь оказался: «РОС».

Я глянул на Менендеса и Солу. В их взглядах читалось откровенное злорадство: умирая, человек написал своей кровью мою фамилию.

Теперь многое зависело от того, как я себя поведу. Если они заметят хоть что-то предосудительное, этого будет достаточно, чтобы упечь меня за решетку. Тем более что я — друг Пако Мунтане. Да и Менендесу зажилось бы спокойней: я ведь уже успел полистать кое-какие страницы его прошлого, которое сам Менендес считал давно захороненным под руинами сгинувшей эпохи генералиссимуса Франко. Пока меня оправдают — а это уж как следствие повернет,— глядишь, и покончено с моей репутацией, а заодно — и с журналистской карьерой.

Менендес взял меня за руку и повел в угол комнаты.

— Смотрите!

На стене были развешаны фотографии. На одной из них — мы с Хави. Совсем молодые, облаченные в живописные лохмотья хиппи, волосы волнами спадают на плечи. Стоим и беспечно глазеем — вдруг и впрямь из объектива выпорхнет птичка...

— Это единственный Рос,— Менендес ткнул пальцем в фотографию,— которого мы нашли в его записной книжке.

Менендес неторопливо извлек ее из кармана, раскрыл на букве Р. Вверху страницы я прочитал: «Рос — Даниэль и Анхелес». Рядом — мой адрес. Когда мы в последний раз виделись с Хави, я был еще женат на Анхелес.

— Как вы думаете, отчего этот человек, истекающий кровью, потратил последние мгновения жизни на то, чтобы написать на полу чье-то имя? — поинтересовался Менендес.

— Я бы предположил два варианта.

— Интересно, какие же?

— Или он пытался сообщить ему что-то, или хотел назвать имя убийцы.

— Потрясающе! Вам бы детективы писать... И какой же из вариантов вам кажется предпочтительней?

— Я не убивал его. И поэтому, думаю, он хотел что-то мне передать.

— Гляньте-ка, до чего четко выписаны эти буквы. Все три — прописные,— этот монолог Менендеса, казалось, сам состоял из прописных букв.— Очевидно, человек весь остаток жизни положил на то, чтобы как можно четче выписать ваше имя.

— К чему вы клоните?

Инспектор задумчиво вперился в потолок:

— Посмотрим, как вам это понравится... Вы с приятелем чего-то не поделили — бабу, к примеру. Ну, слово за слово, один из вас выхватывает пистолет, завязывается драка, и — бах! Вы, конечно, напуганы, пускаетесь наутек, а жертва, истекая кровью, подписывает вам приговор. Согласен — слишком эффектно, но... в жизни случаются и не такие мелодрамы. Ну, каково?!

Тут к разговору подключился Сола. Сыгранная парочка, ничего не скажешь.

— Выкладывайте, Рос, свое алиби... Если только оно вообще существует.

— Ну, во-первых, я вам уже говорил, что вернулся из

командировки поздно вечером — и уже поэтому не мог убить Хави. Второе, признаться, мне и самому непонятно: ведь он, как почти все мои друзья, звал меня просто Дан. Тоже недлинно, три буквы всего, как в слове «Рос». Логичней было бы предположить, что так он и напишет. Хотя...— тут уверенность моя поколебалась,— прошло столько времени...

— С чего это вы решили, что он умер до... ну, скажем, десяти—половины одиннадцатого вечера? — лукаво осведомился Менендес.

— Бросьте вы валять дурака, инспектор! — перешел я в атаку.— К несчастью, это далеко не первый труп, который мне довелось повидать в жизни.

— А каким транспортом вы добирались?

— Собственным. На машине.

Менендес удовлетворенно кивнул. Что он этим хотел сказать, было ясно.

И черт меня дернул!.. Ведь собирался же лететь самолетом, так нет — в последний момент передумал. Они, самолеты, всем хороши: и летают по твердому расписанию, и список пассажиров — пожалуйста, а какая отменная память у стюардесс...

Я лихорадочно стал припоминать подробности поездки. Ни единой зацепки!

В гостинице, правда, ночевал, но номер был заказан на имя одного из тех журналистов, что устроили мне встречу с людьми из наркобизнеса — ни к чему мне было там светиться. Призывать в свидетели газетчиков из Бильбао — последнее дело, им тогда больше не жить. Да они и сами, случись чего, открестятся от меня — не дураки ведь. Статья... А что статья? Я ее и здесь мог написать, с тем же успехом.

— Вот вы сказали: «Прошло столько времени...» Как это понимать?

— Мы в самом деле давно не виделись — лет пять, наверное. Я даже не знал, что он вернулся в Барселону. А перед тем, как навсегда потерять друг друга из виду, мы уже встречались довольно редко — судьбы наши сложились по-разному, мы утратили контакт друг с другом. Так что предпочитали время от времени перезваниваться — не больше. Он в конце концов подыскал себе работу в Мадриде, ну и уехал...

... Не было у меня никакого желания выкладываться перед ними, хоть убей, и больше всего на свете хотелось мне поскорее убраться отсюда, чтоб не видеть больше трупа Хави, не дышать его смертью. Видно, сник я совсем — не пояснял уже, а объяснялся, оправдывался, что и было расценено Менендесом как чуть ли не окончательное мое поражение.

— Подождите минутку, Рос,— вкрадчивым тоном попросил Менендес.— Скоро мы уедем отсюда.

Я насторожился:

— Уедем?! И куда же, позвольте спросить??

— Как это — куда? В управление, разумеется.

— Нет у вас никаких улик против меня, инспектор! А уж это,— я указал на свою фамилию, начертанную на паркете,— и вовсе не в счет. И если вы вознамерились совершить еще одну оплошность, то, клянусь вам...

— А кто вам сказал, что мы собираемся вас арестовывать? — с наигранным изумлением поинтересовался Менендес.— Вы же дадите нам показания? Предварительные, конечно... А это делается только в полицейском управлении. Да вам это не хуже нас известно!

Улыбнувшись и подхватив Сола под руку, Менендес зашагал с ним к выходу — там его поджидали эксперты. Разговаривая с ними, Менендес все время стоял вполоборота ко мне. Оставить меня на время в покое — нехитрая уловка. Вдруг мне, скажем, захочется поднять стул, поправить съехавшую набок картину? Словом, оставить отпечатки пальцев. А Менендес потом предъявит их в качестве улик, найденных на месте преступления...

Чтобы избежать соблазна, я сунул руки в карманы и подошел к стене, на которой были развешаны фотографии. Вот он — я, но уже в зрелом возрасте, а вот Хави с Робертой и Тиной, совсем еще малышкой. Вот Хави головой забивает гол — в юности он был неплохим футболистом. Особняком разместились свидетельства его встреч: Хави и Джон Леннон, Хави и Боб Дилан, Хави и Роберт Фрипп.

Стена напротив сплошь состояла из стеллажей, на которых выстроились нескончаемые ряды альбомов. И хотя кое-где виднелись бреши — часть пластинок была разбросана на полу, а часть задвинута вглубь,— я все равно отметил идеальный порядок, царивший в этой огромной коллекции: вот уж действительно — все по полочкам разложено...

Альбомы стояли в строгом алфавитном порядке. На уровне моих глаз помещалась литера «А» — «America», «Animals», «Brian Auger»... Лучшие из лучших дисков, каждый — эпоха в истории рока, всевозможных моднейших когда-то течений и групп, одни теперь уже почти забыты, другие — навсегда остались единственными, непревзойденными. «Bad Company», «Beach Boys», «Bee Gees», «David Bowie», «Eric Burdon»...

Тут я словно споткнулся, будто лучик какой-то сверкнул — и погас. Как током ударило. Я попытался поймать мелькнувшую то ли мысль, то ли слепую догадку... И тут за спиной раздался голос Менендеса:

— Идемте, Рос, пора...

Я двинулся следом и, проходя мимо Хави, не удержался — глянул на него. Не только чтобы проститься. Просто вновь и вновь задавался я этим проклятым вопросом: что заставило Хави вспомнить обо мне в последние мгновения жизни? Но если «РОС» — и в самом деле уготованная им для меня ловушка, то за что же он решил мне так отомстить?

В комнату вошел какой-то тип в штатском:

— Он был директором фирмы грамзаписи «Карма Дискос». Директором, но не хозяином...

«Карма Дискос»... Я стоял, уставившись на выписанные на паркете проклятые буквы, и со мной творилось то же, что и там, у стеллажей... Это было как в детской игре — холодно... теплей, еще теплей... И вновь, словно ускользающий лучик, мелькнуло что-то... Что-то очень важное... Буквы. Так четко, так идеально правильно выписанные буквы, к которым тянется кисть правой руки Хави. «Карма Дискос». Стоп, стоп...

И опять в самый неподходящий момент Менендес подал голос:

— Не стоит пугать людей этой новостью, Рос. Я сам свяжусь с газетчиками, когда сочту нужным. А пока держите язык за зубами.

III

Менендес отпустил машину, и мы направились пешком. Когда мы дошли до главного полицейского управления города, я еще так и не решил, что лучше: постараться сейчас встретиться с Пако или отложить разговор с ним на потом. Ладно, пусть пока все идет своим чередом, подумал я. Пако большего сможет добиться, оставаясь в тени — дело-то взял в свои руки Менендес... А с алиби дела действительно плохи. Стоит только поведать, с кем я встречался в Бильбао,— и считай, песенка моя спета. Черт, понесло же меня туда! «Окунуться в атмосферу, окунуться в атмосферу...» Окунулся!

Короче, я рассказал Менендесу и Соле об этой злосчастной поездке, опустив, разумеется, самые пикантные подробности. В том, что рано или поздно докопаются и до них, сомневаться не приходилось, но сейчас важно было выиграть время. Кроме того, полицию наверняка больше всего интересует, как я добирался обратно.

Так оно и вышло — маршрут Бильбао — Барселона был разобран по минутам: где я останавливался перекусить, где заправлялся, в компании с кем распивал ненавистную мне отныне кока-колу, видел ли меня кто-нибудь и кто это мог бы подтвердить, в котором часу и где... Я рассказал об аварии, в которую попал какой-то грузовик на самых подступах к Сарагосе, и это было единственное, на что я оказался способен.

Прочтя и подписав то, что дежурный полицейский отстучал на машинке, я собирался уже было откланяться, но Менендес остановил меня выразительным жестом.

— Еще раз предупреждаю: в газете об этом — ни

строчки. Мы не берем с вас подписки, но, полагаю, и без того понятно, что вам не следует пока выезжать из Барселоны — в ваших же интересах.

— Послушайте, инспектор, могу я задать вам еще один вопрос — посерьезней?

Менендес и Сола переглянулись.

— Это смотря что вас интересует.

— Как вам стало известно о том, что Хави убит, и каким оружием было совершено убийство?

— Не смею вас больше задерживать, сеньор Рос,— казенным тоном отчеканил Менендес.

Я поймал такси. По счастью, шоферу довольно быстро наскучило чуть не клещами вытягивать из меня каждое слово, он включил свой кассетник, и в машине застенала, загромыхала какая-то группа из свежеиспеченных. Слушать такое — не приведи господь, но я готов был просто расцеловать этого милого парня, таким вот образом подбросившего мне совсем неплохую идею: теперь я знал, что делать... По крайней мере — с чего начать.

...Явившись в редакцию, я сразу же позвонил к Пако на квартиру. На беду, жены его, Пепы, дома не оказалось. Тогда я отправился в отдел культуры, к Сесару — он считался одним из лучших музыковедов.

— Сесар! А ну выкладывай, что это еще за зверь такой — «Карма Дискос»!

— Как! И это ты спрашиваешь меня о «Карма Дискос»? — шутовски подивился он.

— А что в этом такого? Уж сколько лет прошло, как я не занимаюсь музыкой... Да и в бытность мою редактором рок-журнала этой фирмы не было и в помине.

— М-да... Помнится, ты однажды написал статью, где прямо грудью встал на защиту интересов национальной поп-индустрии — дескать, а чем мы хуже американцев... И до небес вознес тогда нашего трудягу — «Соновокс». Господи, я ведь еще совсем мальчишкой ее читал!

— Помню я эту статью! Но, прости, не усматриваю пока никакой связи.

Сесар усмехнулся.

— Все очень просто: когда дела «Соновокс» пошатнулись, там первым делом решили сменить вывеску — вот так и появилась на свет «Карма Дискос». Тот же пес, но — с другим ошейником.

— Что слышно об Артуре Сантакана, владельце «Соновокс»?

— О, он по-прежнему хозяин фирмы!

— Да, Сантакана и впрямь был отцом поп-музыки в Испании. Он завел свое дело еще в пятидесятых, а лет через десять настала пора ее расцвета, да какого! Это благодаря ему рок у нас перешел в разряд серьезной музыки, требующей по-настоящему профессионального исполнения... В те годы он был королем нашей рок-индустрии... А имя Хавьера Моры Антича тебе о чем-нибудь говорит?

— А как же! Тот еще жучила...

Я сделал вид, что нимало не покороблен этой, скажем так, энергичной репликой.

— Расскажи-ка поподробней.

— Вообще-то специалист неплохой, но сумасброд. Последние лет восемь только и делал, что менял хозяев — какие только компании его не приглашали. И куда ни заявится — все перевернет вверх дном. Видишь ли, они все держат его за этакого спасателя утопающих. Все время носится с какими-то чумовыми идеями — горит, можно сказать, на работе. И вот что странно: что ни задумает — вроде бы блажь одна, а в итоге все-таки своего добивается. Сантакана позвал его, когда «Карма» уже на ладан дышала, и дал пост директора с неограниченными полномочиями. С той поры я слова доброго еще о нем не слышал!

Но Хавьер Мора, похоже, своего добился. Сантакана обрел, так сказать, второе дыхание. Год назад он взял да и развелся со своей старухой, а вскоре его уже видели с некой Блеси — девицей лет двадцати пяти. И, думается мне, источник новой энергии — в солидно потяжелевшем кошельке «Карма Дискос».

IV

В те шестидесятые годы мы с Хави составляли настоящий бродяжий тандем. И хотя мой приятель был на два года старше, мы оба искренне не замечали этого — слишком многое нас объединяло. Мы жили музыкой «Битлз», и рок тех лет был нашей религией. Нас раздирали одни и те же страсти, и шли мы одной дорогой. Правда, для Хави она стелилась ровней: он лучше меня играл в футбол... Ни на футбольном поле, ни с девицами, к которым я и подойти-то не решался, он не знал себе равных, неизменно оттирая меня куда-то на задний план.

Но миновали те годы, настала иная пора. Хави ушел из футбола, и наши подписи все чаще стали появляться под статьями в журналах, занимавшихся проблемами рок-музыки. Вскоре я обнаружил в этом свое призвание, а Хави — напротив, решил, что и здесь игра не стоит свеч, и быстро охладел к писанине. Он вдруг подался в поп-индустрию и стал агентом по рекламе в фирме грамзаписи.

К тому времени Анхелес уже остановила свой выбор на мне, и навсегда ушел в прошлое единственный в нашей жизни период, когда мы оба слишком хорошо понимали, что нам грозит непримиримое соперничество.

Мы оба любили ее.

Хави умел играть, умел и проигрывать. И делал это всегда в открытую. Вот почему он стал свидетелем на нашей свадьбе, а я стал его свидетелем — когда он женился на Роберте.

...Все ушло, все кончилось. Одним выстрелом повержен кумир моего отрочества, и со мной теперь творилось то же, наверное, что и в день, когда пулями, разряженными в Джона Леннона, были расстреляны мечты и надежды многих из нашего поколения...

Я передумал ехать к Роберте, бывшей жене Хави: не хватило бы меня на утешения. Другое дело — их дочь, Тина. Сколько ей уже — шестнадцать? Или семнадцать? Стоп, стоп... Господи, да ей все восемнадцать наверняка исполнилось! Как быстро уходит время...

...«Карма Дискос» располагалась на Виа Аугуста, неподалеку от дома Хави, и в этом был он весь — если б можно было, он поселился бы в самой фирме: Хави был просто-напросто женат на работе, и ради нее, единственной, не щадил ни часов, ни дней, ни времен года.

В центре широкого холла мигал огнями телефонный пульт. В дальнем конце холла, где-то там, за спиной телефонистки, смутно вырисовывались две двери. Вели они, несомненно, а апартаменты Артуро Сантаканы и Хави.

Увидев меня, телефонистка расцвела доброй улыбкой.

— С кем бы вы предпочли здесь увидеться?

— Здесь ли Артуро Сантакана?

Имя хозяина фирмы мгновенно транспонировало улыбку в другую тональность — уже сочувственную:

— Он сейчас, к сожалению, очень занят.

— А секретаршу сеньора Сантакана увидеть можно?

— О, разумеется. Как мне вас отрекомендовать?

Я назвался, для солидности сообщив и название своей газеты.

Тут за моей спиной раздались чьи-то шаги.

Обернувшись, я увидел чудаковатого вида парня лет двадцати: волосы на затылке схвачены в аккуратную косу, в правом ухе — сережка.

Мельком взглянув на меня, он шагнул к телефонистке:

— Кончи, я слышал, к нам кто-то из прессы...

Кончи изящно кивнула в мою сторону.

— Даниэль Рос,— представился я.

— О, простите. Я решил было, что вы — музыкальный критик. Позвольте представиться: Исмаэль Лисаррага, заведую рекламным отделом. Скажите, а вы сегодня не встречались с Сесаром?

— Нет. А что?

— Право, не стоит беспокоиться. Извините.

Лисаррага уже собрался уходить, но притормозил: по лестнице поднимались двое — парень и девушка.

Перевел с испанского Н. ЛОПАТЕНКО

Продолжение следует

КАК Я СТАЛ ДЕДУШКОЙ

***Жан-Поль БЕЛЬМОНДО,*
французский киноактер**

О том, что со мной произошло, я узнал во время автомобильных гонок. Поль, мой сын, как раз пронесся мимо меня на своей «лоле-2000». Скорость у него была приличная, километров 240 в час, я засек по секундомеру. Кругов до конца оставалось немного, я сидел как на иголках. К тому же в этот весенний понедельник должна была состояться, наконец, премьера «Кина»... Словом, нервы были на пределе. Флоранс, моя дочь, эта тихоня Флоранс сидела на обочине трассы. Она специально прилетела из Америки посмотреть, как будет соревноваться ее брат. И чтобы сообщить мне свою новость. Она посмотрела на меня и сказала:

— Кстати, пап, ты знаешь, что будешь дедушкой?

Диалоги между родителями и детьми имеют ту особенность, что сводятся, как правило, к обмену максимально важной информацией, поскольку каждый знает, что другой знает и что нет надобности уточнять, какие именно чувства вызывает то или иное сообщение. Короче, мы посмотрели друг на друга, не проронив ни слова больше. И, уверен, оба думая одно — что все это похоже на вступление в симфонию ударных.

Стать дедушкой — это все равно что увидеть за окном выросшую за одну ночь гору. Вы засыпали беззаботным, а проснулись преисполненным невероятной серьезности, и на целое поколение старше. И говорите себе: «Ха-ха, дедуся! Уже! И сколько тебе? Немного, если ты еще как мальчик скачешь по сцене и с удовольствием играешь в кино полицейских». Куда как несерьезное занятие для дедушки.

На всякий случай я все-таки поинтересовался...

— А если это мальчик, то звать как будем?

— Кристоф.

— А девочку?

— Аннабелла.

Аннабелла родилась зимой. В Америке. Я никогда так хорошо не играл Кина, как в тот день, когда Флоранс мне сообщила о том, что Аннабелла родилась и что у нее голубые глаза, как у прадеда, Поля Бельмондо, ну, и как у ее отца. От Флоранс у нее темные волосы. А что от меня? Не знаю.

Умение клоунничать, может быть. Как и положено мне, деду, я считаю, что это у нее от меня и что она, разумеется, пойдет по моим стопам.

В четыре месяца она строила мне рожи. И, верьте мне, это было талантливо.

В первый раз я увидел ее в Сиэтле, потом вместе со своими родителями она навестила меня в Сан-Франциско, где я снимался у Клода Лелуша в роли современного героя, то есть в роли авантюриста-бизнесмена. Может быть, это было какой-то шуткой, но когда я прилетел ночью в Америку и после одиннадцати часов сидения под кондиционером остался без голоса — хорош актер без голоса! — и вызвал врача, врач, полюбопытствовав, не француз ли я, сказал, что коли я настоящий француз, то моя ангина может быть вылечена за один миг:

— Вы должны выпить на ночь бутылку «божоле» и утром будете как огурчик.

Я честно выпил таблетки, предпочитая не экспериментировать.

На следующий день я увидел мою Аннабеллу. Она прождала меня несколько часов на съемочной площадке, а потом я ее забрал у родителей, и мы с Аннабеллой и приставшим к нам Лелушем отправились бродить по городу. Когда мы дошли до Юнион-сквер, Лелуш отобрал у меня мою узкопленочную кинокамеру и принялся снимать нас. Вернее, Аннабеллу, она была сейчас героиней Лелуша. Он снимал ее крупным планом, как она улыбается, а я только придерживал ее в коляске. Я не был актером. Я был просто счастливым дедушкой, который гуляет на Юнион-сквер.

— О, Жан-Поль, еще минутку, у меня такой кадр! Трамвай в кадре. Такой кадр!

Я не думал в тот миг о том, что вряд ли может быть лучше подарок для Аннабеллы, чем фильм про нее, снятый самим Лелушем. Странно, но у нашего поколения — чувствуете, как я теперь заговорил — очень мало даже фотографий о нашем детстве. А тут — родители Аннабеллы, да и вообще все родители их возраста, как я заметил, не расстаются с видеокамерами. Меня вообще многое удивляет в нынешних молодых родителях. Что они повсюду таскают детей с собой, что кормят их в ресторанчиках тем же, что едят сами, кажется, они вообще стараются не замечать, что это же малышка... Нормально, наверное.

И вообще, все это замечательно нормально! Обычное дело. Эка невидаль, счастливый дед.

**Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ**

РОЖДЕННЫЙ ТРЕТЬЕГО ИЮЛЯ

Милый мальчик с румяным лицом, вспоенный молоком и кока-колой, вскормленный американским идеализмом. Мальчик, каких в американском кино множество — Очень Симпатичный, по первоначальным зрительским оценкам. Оценки менялись: следующий этап — Подающий Надежды На Успех, затем — Всеамериканская Мечта и, наконец,— Серьезный Талант, к которому и относиться нужно серьезно...

Томас Круз Мэровер Четвертый родился третьего июля 1962 года. Он был третьим ребенком Мэри Ли и Томаса Круза Мэровера Третьего, инженера-электрика. Из-за работы отцу приходилось часто бывать в поездках, и семья ездила вместе с ним. Том поменял десяток школ. Ему приходилось учиться привыкать и адаптироваться: «Каждый раз я принимал ту роль, в которой чувствовал себя комфортно среди новых одноклассников. Спорт был одним из способов войти в эту роль, но я никогда не старался стать спортивной звездой. Спорт был еще и способом вырваться из дома, подальше от чтения книг. В книгах я все равно не видел толку».

Том страдал дислексией, он не любил читать, и это приводило к срывам в школе. «У меня не было способностей к учебе,— говорит он.— Я даже и не знаю, что такое настоящая учеба». Теперь он, как зубрила, всегда носит с собой толковый словарь, чтобы подглядывать значения непонятных слов. «Когда он заходил ко мне в кабинет,— вспоминает Дон Симпсон, сопродюсер фильма «Первый стрелок»,— он первым делом рылся в книгах на моем столе и делал заметки. Потом однажды употребил слово «переизбыток» — а раньше он никогда таких слов не говорил».

К семнадцати годам Том успел сменить множество школ и даже проучиться год в францисканской семинарии, но понял, что священник из него не получится. Он решил попробоваться на роль в фильме «Парни и девушки» — и был принят. «После долгих-долгих лет это было первым, что по-настоящему взволновало меня». Он объявил семье, что собирается стать актером, и уже через год получил роль в большом кино.

В начале восьмидесятых для молодых актеров находилось много ролей, но в основном в фильмах легкого жанра. Круз сыграл впечатлительного юношу в тусклой комедии «Потеря» (1982 г.), фильм «Рискованное предприятие» (1983 г.) по соединению сюжетных линий обещал быть не более удачным. Юный сынок богатых родителей связывается с проституткой, топит семейный «порше» в озере Мичиган, превращает свою квартиру в публичный дом, но ухитряется поступить при этом в Принстонский университет. Рейгановская эра в миниатюре. Но сценарий был остроумен, манера съемок — достаточно своеобразна. А Круз нашел в этом фильме нечто большее: обаяние выплеснулось из его провинциальной души, и родилась новая звезда.

Следующая картина «Все идет как надо» (1983 г.) — обдуманная переделка «Рискованного предприятия». Фильм не удался, и Том потерял свое великое мгновение. Понадобилось время, чтобы отвоевать все обратно. «Легенда» (1986 г.), снятая в Лондоне, не помогла вернуть шанс.

Таким шансом стал «Первый стрелок», поставленный Тони Скоттом. Это — повествование о жизни, полной сумасшедших событий. Герой фильма Пит «Бродяга» Митчел — летчик военно-морской авиации, его время на земле заполнено спортом, вечеринками и шикарными девочками. Но когда «Бродяга» сидит в кабине своего F-14, вся эта развеселая земная жизнь переплавляется в геройство и патриотизм. Он — воздушный ас, и каждый его вираж — как последний удар перед концом игры.

«Первый стрелок» подтвердил, что Круз способен «вытащить» на себе фильм. В «Цвете денег» он противостоял «киноиконе» — Полу Ньюмену. Герой Ньюмена, Эдди Фелсон,— бильярдный ловкач. Герой Круза, Винсент Лаурия,— новичок в этом искусстве.

Эдди сидит возле бильярдного стола сутулый, практичный, мудрый, немного оскорбленный горящими щеками молодого человека. Этот сырой юнец — цвета денег, зеленый; но сила за Винсентом. И за Крузом. «Он готов разорваться на части, чтобы добиться чего-либо,— говорит Ньюмен.— Он не боится показаться простаком. Он не защищает себя от своих желаний, он отличный экспериментатор. Конечно, как и любой актер, если материал слабый, он впадает в свой проверенный образ: для Круза это образ счастливого котенка. Не знаю, как у него дела со всякими науками, но все, что нужно хорошему актеру, у него есть».

Для выполнения следующего грандиозного проекта — фильма «Человек дождя» (см. *«Ровесник» № 7 за этот год.— Ред.*), понадобились годы. В промежутке Том сделал «Коктейль», искусную рекламу своего очарования, чтобы устроить себе что-то вроде отдыха от серьезной работы. И «Человек дождя» стал третьим по счету фильмом, в котором Круз сыграл нахального ловкача. Его дуэт с душевнобольным братом (Дастин Хоффман) принес фильму несколько «Оскаров». «Вначале я был для него чем-то вроде наставника,— говорит Хоффман.— К концу съемок он учил меня».

В фильме «Рожденный четвертого июля» партнера у Круза не было. Он был перед камерой один. А за камерой им руководили два вьетнамских ветерана — режиссер Оливер Стоун и Рон Ковик, на чьей судьбе и чьей автобиографической книге основан фильм (эта книга издавалась и у нас.— Авт.). «Я выбрал Тома, потому что он — наиболее близок по духу Рону Ковику,— говорит Стоун.— У них одинаковое происхождение, они оба из католических семей, и семейные драмы у них одинаковы.

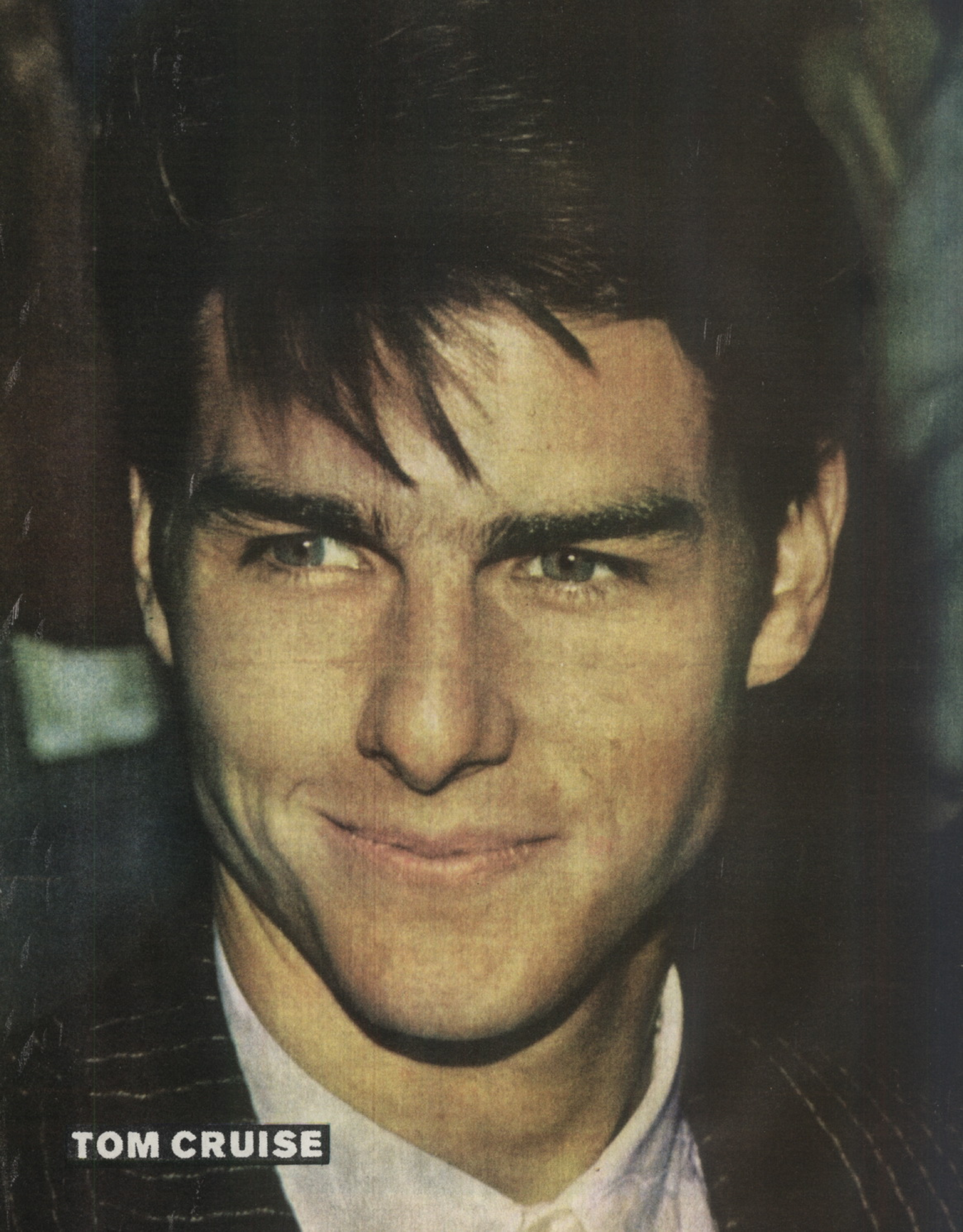
«Я оказывал на него большое давление.— рассказывает режиссер.— Может, даже слишком большое. Заставлял его больше читать, ходить по больницам. Хотел, чтобы он много времени проводил в инвалидном кресле, чтобы почувствовал его. Во время съемок в военном лагере он сам рыл окоп. Однажды я уговорил его сделать инъекцию лекарства, которое парализовало бы его на два дня, чтобы он лучше почувствовал состояние своего героя. Но страховая компания запретила инъекцию, по их словам, была вероятность того, что Том не выйдет из этого состояния. Но сам он был полон решимости провести эксперимент».

Круз был полон решимости вообще сделать хоть что-нибудь для фильма — он, например, отказался получать свой миллионный гонорар, пока фильм не получит кассового успеха. Он проводил все время с Ковиком, вбирая в себя его жизнь. В одинаковых инвалидных колясках они вместе делали покупки. В магазине электротоваров в Вествуде, Калифорния, его попросили выкатиться из магазина, так как колеса оставляли следы на ковре. «Он был в ярости,— вспоминает Ковик.— Он кричал: «Я имею такое же право здесь находиться, как и все остальные!»

«У Тома классическое сложение атлета, игрока в бейсбол,— говорит Стоун.— Он похож на сытое дитя с коробкой с печеньем. Я решил поместить это дитя на темную сторону жизни». Благополучный парень идет на войну, где видит вырезанную вьетнамскую семью. В хаосе перестрелки он убивает одного из своих товарищей. Уже парализованный, он обнаруживает, что его жизнь закончена, так и не начавшись, и он проклинает родителей, страну, себя. Этот Рон — характер не из приятных, он даже и привлекательным внешне не выглядит. Те из зрителей, кто надеялся увидеть цвет Америки в лице Круза, обнаружат лишь навязчивую гримасу национального кошмара. Вся грязь войны показана не на поле боя, не в далеком Вьетнаме, а дома, в Америке, и Круз несет на себе фильм как раненого с поля боя.

По окончании съемок Ковик подарил Крузу свою полученную во Вьетнаме Бронзовую Звезду. «Он наградил ею Тома за храбрость,— сказал Стоун,— за то, что он героически прошел через весь этот ад, в котором на самом деле не был». Подарок совпал с днем рождения — двадцатисемилетием Тома Круза.

Е. БОЛЬШАКОВА

TOM CRUISE

WORKING GIRL

Работающая девушка

США. 1988 г. 1 ч. 55 мин. Реж. Майк Николс, сцен. Кевин Уайд, комп. Кэрли Саймон. В ролях: Гаррисон Форд (Джек Трэйнер), Сигурни Уивер (Катарин Паркер), Мелани Гриффит (Тесс Макджилл) и др.

Умная и тщеславная Тесс Макджилл недовольна тем, что ее не ценят по достоинству на работе в маклерской фирме. Кроме того, она еще и честная девушка, а патроны все никак не могут повысить ее по службе. Наконец в фирму приходит новый директор — женщина Катарин Паркер. Тесс предлагает заключить выгодный контракт, новая директриса пытается воспользоваться идеей Тесс в своих личных интересах, но из-за несчастного случая на лыжной прогулке временно отходит от дел. Тесс, пользуясь случаем, выдает себя за Катарин, знакомится с владельцами крупных фирм, почти подписывает контракт об образовании новой фирмы, где бы она была руководителем, но в последний момент появляется Катарин... Все, кажется, потеряно. Но богатые деловые мужчины узнают, что генератором идей во всей этой мистификации была Тесс, и отдают ей предпочтение. А заодно она получает руку и сердце одного из них. Хэппи энд.

NB Чудовищный сюжет, не правда ли! Но когда вы увидите то, что сделал из него один из лучших комедийных режиссеров Николс, вы поймете, что значит быть знаменитым по праву.

TIMES SQUARE

ТАЙМС-СКВЕР

США. 1980 г. 1 ч. 46 мин. Реж. Элан Мойл. В ролях: Трини Алварадо (Памела), Робин Джонсон (Ники), Тим Карри и др.

Это — типичный «подростковый» фильм, в котором рассказывается о дружбе девочки из хорошей семьи Ники с «уличной девчонкой» Памелой. Ники, которой до смерти надоело родительское лицемерие, убегает из дома и вместе с Памелой организует уличную рок-группу. Кончается все «как положено». Ники возвращается в семью. Памела идет по избранному ею пути, но глубина отношений между девочками, чистота и искренность, которую находит Ники — и зрители — в затравленной улицей Памеле, уважение к чувствам подростков, которое явно ощущается во взгляде режиссера, заставляют вспомнить прекрасный фильм «Генералы песчаных карьеров».

КЭРРИ

CARRIE

США. 1976 г. 1 ч. 35 мин. Реж. Брайан де Палма, по роману Стивена Кинга. В ролях: Сисси Спасек (Кэрри), Джон Траволта, Пайпер Лори, Бетти Бакли, Нэнси Аллен и др.

Имена де Палмы и Кинга сразу же говорят о том, что здесь мы имеем дело с фильмом «ужасов». Но эти же имена подсказывают любителю кино, что данное «совместное производство» вряд ли будет иметь что-то общее с обыкновенным «ужастиком». Сюжет фильма тоже достаточно «подростковый» — Кэрри, милая и робкая девушка, которую очень не любят ее соученики и которую мучает мать, религиозная фанатичка, становится королевой выпускного школьного бала. В нее влюбляется самый красивый мальчик школы — о чем еще можно было бы мечтать! Современный вариант Золушки.

Так бы и осталось все на вполне мирном уровне, если бы не продолжающиеся происки «злых сестер» и не уникальная способность самой Кэрри — телекинез...

PREDATOR
ХИЩНИК

США. 1987 г. 1 ч. 47 мин. Реж. Джон Мактринэн, сцен. Джим Томас, Джон Томас. Комп. Алэн Сильвестри. В ролях: Арнольд Шварценеггер и остальные.

Вероятно, вы с удивлением узнаете, что фильм этот в Европе не разрешается смотреть детям до 13 лет. Есть там такая категория зрителей, что-то вроде наших «до шестнадцати», потому что следующий запрет действует уже «до восемнадцати». Как вы думаете, почему! Почему фильм, который многие из тех, кому «до 13», уже смотрели, им-то смотреть и не рекомендуется! (Напомним, что речь идет о некоем неземном существе, которое открывает охоту на людей, которые, в свою очередь, охотятся на других людей, чтобы в конечном счете освободить из джунглей троих заложников.)

Нет, все дело не в сюжете и не в замечательной с профессиональной точки зрения работе оператора, снимающего действие как бы в двух плоскостях: глазами людей и Хищника-Предэйтора. Все дело в совершенно незаметной для глаз «до 13» вещице, которая называется чувством меры. Кто постарше и поопытнее в жизни, знает, что когда много трагедии, начинается комедия.

SUBWAY
Подземка

Франция. 1985 г. 1 ч. 30 мин. Реж. Люк Брессон. В ролях: Изабель Аджани, Кристофер Ламбер, Мишель Галабру и др.

Жанр этого фильма определить довольно трудно, комедия — и довольно «не комедийный» конец, «музыкалка» — тоже нет, хотя музыки в фильме предостаточно... Но вряд ли стоит так уж «зацикливаться» на жанре, ибо работа эта, несомненно, высококачественная. Некий молодой человек (Кристофер Ламбер) влюбляется в жену высокопоставленного полицейского чиновника (Изабель Аджани), и разными правдами и неправдами выманивает ее на свидания, которые непременно происходят в метро. Вообще-то основной герой этого фильма — парижская подземка, и разные странные типы, свившие себе там «гнездо»: как выясняется, в парижском метро можно прожить всю жизнь, никогда не выходя на поверхность. Это очень остроумный фильм, полный прелестных эпизодов и замечательной музыки.

MIAMI VICE
ПОЛИЦЕЙСКИЕ ИЗ МАЙАМИ

США. Начало сериала — 1984 г. Шеф-продюсер Майкл Манн. В главных ролях Дон Джонсон (Крокетт) и Филип Майкл Томас (Таббс).

Это длинный-длинный телесериал, повествующий о невероятных приключениях двух полицейских из подразделения по борьбе с наркотиками. Приключения героев хоть и хороши, но еще лучше — их костюмы. Одеты герои изысканнейшим образом, потому многие критики недоумевают: как на деньги, которые платят в полиции и на недостаток которых герои жалуются в каждой серии, можно позволить себе роскошные пиджаки из настоящего льна, как у Крокетта, или великолепно сшитые пиджачные пары, как у Таббса! Режиссеров и сценаристов у сериала множество (потому серии очень неодинаковы по уровню), хватает и авторов музыки: ее пишут Фил Коллинз, «Ю-2», Синди Лопер и другие. Иные из песен пишет и исполняет сам Дон Джонсон, он же ставил и некоторые серии. Вообще же этот фильм превратил Дона Джонсона и Филипа Майкла Томаса в культовых героев американской и западноевропейской молодежи, что достаточно грустно: и сериал не ахти, и актеры, прямо скажем...

ИНДЕКС 70781
ЦЕНА 35 КОП.